

Валерий Столыпин

Услучайностей в плену

18+

Рассказы о любви и семейных отношениях

Валерий Столыпин
У случайностей в плену

«Автор»

2020

Столыпин В.

У случайностей в плену / В. Столыпин — «Автор», 2020

Человек не может жить в обстановке однообразия. Это противоречит биологической природе. Приходится редактировать приоритеты, ценности, мечты, планы. Как можно сохранить любовь надолго, если она живая? Идёшь с человеком по одной тропинке, спишь с ним у костра под одним одеялом, но доходите до развилки, и выясняется, что одному надо налево, второму направо. Можно попытаться найти компромисс. Скорее всего, и он окажется временным, потому, что ландшафт местности меняется быстрее, чем мы. Рано или поздно происходит охлаждение. Человек задумывается, в чём причина, и приходит к выводу, что давно живёт, реализуя чужую жизненную стратегию. А жизнь коротка. Какое-то время любовь поддерживают мощные химические процессы, социальные обстоятельства, общие устремления, но и эти катализаторы размывает время. Обратная трансформация любви заложена в наши гены. Эмоции и чувства умирают так же быстро, как зарождаются. Это жизнь. Ничего другого природа создать не в силах.

© Столыпин В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Вот как бывает	5
Брак по расчёту	9
Взрослые люди	17
Во власти страсти	21
Возраст потерь	28
Безотказная	33
Дурёха	38
Она мечтала	43
Доверяй, но проверяй	54
Адреналин	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Валерий Столыпин

У случайностей в плену

Вот как бывает

*Белых туманов крепчают объятия,
Цвет изменяет листва тополей...
Как же мне хочется сшить тебе платье
Из паутинок мелькающих дней...
Александр Кушин*

– Варюха – да это моя лучшая подруга, нет – единственная, с раннего детства, – откровенничал, находясь в приличной степени подпития Родион, – с детского сада, – девчонка она – что надо, цену себе знала. Зуб даю, что у неё, кроме мужа, никого не было. Одна любовь на всю жизнь. Я тебе такое расскажу... только никому, ни одной живой душе.

Не могу больше в себе держать. Поделюсь с тобой – может полегчает.

У нас с ней особые отношения были. Меня Варька подружкой считала, даже самые секретные девичьи секреты запросто доверяла.

Знать бы как жизнь сложится... дурак я дурак! Ладно, слушай дальше.

Супруг её, Витюха Кубасов – дальнобойщик. По натуре – реальный мужик. Настоящий, толковый, хваткий. С Варюхи пылинки сдувал, подарками заваливал.

Любовь у них была, не любовь – сказка!

Прожили они вместе четыре счастливейших года. Вот только... да, и это, поверьте, реальная проблема, детей у них не было. Ни одной беременности. Ни одной!

Варюха в отчаянии. Витька так переживал – словами не передать.

Я с ума сходил от душераздирающих воплей. Мне-то оба плакались.

Что только Варюха не делала: анализы сдавала, лечилась от бесплодия у статусных лекарей, по экстрасенсам и колдунам бегала, на целебные источники и распиаренные курорты ездила. Результата – ноль, зеро.

По всему выходило, что причина беды не в её здоровье, но сказать о том мужу она не решалась: сами понимаете – любовь.

Не боялась, нет, знала по опыту, что подобное предположение может ущемить его уязвимую мужскую гордость. Он же мужик, реальный мужик, каких поискать.

Я-то всегда был рядом. Варька ко мне со всеми бедами шла. С детства у нас так.

Витька мечтал о наследнике. Без сына, впрочем, он и на дочку уже согласен был, не представлял себе будущего.

Варька тоже бесилась. В её семье быть пустой считалось неприличным.

Сколько раз уже ревела она у меня на плече. Ох, как нелегко терпеть женские слёзы.

И тут её идея фикс вдохновила. Сначала незрелая, вроде как история из жизни подружки подружки о том, как та ловко разрулила дозревшую до скандалов и обвинений семейную проблему с зачатием от бесплодного мужа, у которого чуть крышу на этой беде не снесло.

– Понимаешь – всё гениальное просто. Все довольны – все смеются. Каждый получил то, на чём заиклился. Ребёночек настоящий, живой. У него есть реальная мама, реальный папа. И счастливая семья. Чего молчишь?

Варька пихала мне в уши всю эту чушь, глядя прямо в зрачки, как удав на лягушку, реально гипнотизировала.

– Ну и, – говорю, – по мне – полное дерьмо. Баба своего мужа буквально кинула. Самой-то ей не противно было ложиться под жиголо... как дальше жить, когда счастье, призрачное,

между прочим, перспектива которого туманна, построено на лжи? Рано или поздно подмена выплывет наружу.

– Вовсе нет. Она же не дура. Настоящего отца выбирали профессионалы. Учли всё: внешний вид, в том числе цвет волос, глаз, форма черепа, губы. Для того чтобы муж начал сомневаться, должны быть веские причины. А их не будет. Ещё возражения есть?

– Не понял... какие возражения? Меня в принципе бесит эта дикая история. И дамочка эта. Вдумайся, Варюха, это же форменная проституция. Наставила мужику рога и гордится. Какая гадость, эта ваша заливная рыба! Чего ты темнишь, говори прямо – чего задумала.

– Чего-чего, не догадываешься? Того самого. Мне... нам с Виктором, кровь из носа нужен ребёнок, лучше сын.

– С превеликим удовольствием буду посаженным отцом, или крёстным вашего сына. Имя придумали?

– Ну, ты тормоз, Родя! Не посаженным... реальным. Об этом будем знать только я и ты. Мы же друзья?

– Не до такой степени. Моё мнение по поводу чистоты отношений тебе известно. Интимные вопросы, тем более, настолько пикантные, можно сказать, сокровенные, имеют право решать только супруги. Семья и доверие – синонимы. Жить во лжи страшно. Выбрось из головы печальный опыт этой психопатки. Вот увидишь – семейные проблемы появятся, и довольно скоро.

– У меня уже... появились. И не просто проблемы – апокалипсис какой-то. Я устала... устала оправдываться, что-то доказывать, расстраиваться по поводу и без. Я извожу себя чувством вины. Эмоциональные качели заканчиваются неврастением, биполярным расстройством. Лучше сразу в психушку, или пулю в лоб, чтобы долго не мучиться. На Витьку вообще больно смотреть. А выход – вот он, – ткнула в меня палец Варька.

– Изыди, сатана, – попытался я обратить в шутку театральное, как мне виделось, действие, – смерть провокаторам!

На самом деле мне вовсе не было смешно. Варькины глаза, которые никогда не лгут, говорили о том, что она не шутит, – у вас с мужем, и телосложение, и рост, даже голос похожий. Помоги... или я за себя не отвечаю. Отказ исключён. Посмеешь сказать нет – будешь хоронить мой хладный труп.

– Думать не моги. Ты же мне... сестра. Я... не-е-е, я – пас, закрывай эту гнилую тему. Могу с Витькой поговорю. Пусть теперь он к докторам идёт, так будет правильно.

– Ты же знаешь – он гордый. Хочешь, чтобы его кондратий хватил! Я не переживу. Если стесняешься... или напротив, я тебе повязку на глаза сошью. Мой грех – моя ответственность. Я настроилась, готова биться за семейное счастье до последнего...

– Последнего чего... хочешь, чтобы Витёк, который любит тебя, который мне как верному другу семьи доверяет, чтобы он растерзал меня в клочья! А я... обо мне ты подумала?

Витька будет носить на руках моего, Варька, мо-е-го ребёнка, а мне придётся всю жизнь делать вид, что я для него никто, что я дядя из соседнего подъезда.

Да и ты... вы же оба девственниками были, сравнивать тебе нечем. Вдруг понравится... тогда как! Любовь – это тебе не шуточки.

А если я влюблюсь, к примеру... плюс общий сын. Я же на твоего муженька войной пойду. У меня тоже самолюбие, мужское достоинство, гордость. Тебе это надо!

– Тебе – нет... наверно. Мне надо. И не влюблюсь я в тебя. Никогда, И не надейся!

– Ах, вот оно как, поматросила и бросила! Тебе никогда не приходило в голову, что мальчик и девочка... что девочка и мальчик, мужчина... что на самом деле такая дружба природой не предусмотрена. Ка-те-го-ри-чески, вот!

– Как это понимать?

– Да как угодно. От перестановки мест слагаемых сумма не меняется.

– Ты с ума сошёл, Соболев! Я серьёзна как никогда прежде. Мне нужна твоя сперма. Не хочешь трахаться – не надо, сдай биоматериал и будь свободен. Дружба дороже глупых принципов.

– Вот именно. На меня тебе плевать, это понятно. Витьку пожалей. Узнает – вены себе вскроет. Или нас с тобой на запчасти разберёт.

Меня-то точно. Голову на кол, чтобы неповадно было чужих жён осеменять а стыковочный аппарат на чучело. И будет тебе, Варька, счастье.

Витька в тюрьге, я в раю. Или в аду... без разницы. Ни мужа, ни друга... ни-че-го! Как тебе подобная перспектива?

Нет, подруженька, лучше я эту штуку по доброй воле сам отчекрыжу, или узлом завяжу.

– Типун тебе на язык, Родик! Откуда ему знать, если ты не проболтаешься? Я-то точно молчать буду.

Короче, выревела она эротическое рандеву.

Глаз я, естественно, завязывать не стал. Во все глазоньки смотрел. Врать не стану – наслаждался.

Оплодотворял я её целую неделю, такой уговор был.

Стыдно было, обидно за себя – жуть.

Мы потом долго с Варькой не встречались, глаза прятали, пока она с довольной миной не сообщила о беременности.

Не знаю, что чувствовала она, у меня мурашки по всему телу бегали, холодным потом обливался, уехать хотел, куда глаза глядят – в пустоту и безмолвие.

Навсегда.

Витька на крыльях любви парил. Чего только не накопил для будущего отпрыска.

Наши с Варькой отношения не то, чтобы совсем прекратились, охладели. Разговаривали и встречались редко, по чистой случайности.

Привет – привет. Прощай – прощай.

Животик рос, подруга научилась относиться к этому факту отстранённо, словно я к человеческому зародышу в её чреве непричастен.

В положенный срок родила Варька замечательного мальчонку. Назвали Игорем.

Вот тогда и началось трагикомедия с элементами психологического триллера.

Дело в том, что они оба тёмные, я тоже не рыжий, а сын – словно гриб подосиновик, огненно красный.

Витька-то сам ничего, любому дитяти рад. Скандальное разоблачение маманя его затеяла. Мол, на четвёртом этаже, в двушке, Сёмка Плеханов живёт.

– Как пить дать, – орала на весь подъезд озадаченная странным обстоятельством шальная баба, – его рук дело. Сёмка в ейной поганой вагине побывал. У-у-, шлёндра беспутная. Гони её в шею из нашей жизни. Не нать нам такой невестки... и мальчика прижитого на стороне не нать!

Понятно, что те руки она иначе называла, а Варьку за глаза шлюхой принародно кликала.

Слёз и горя было немерено.

Варькины родители к тому времени на родину дедов и отцов жить переехали, до пенсии им далеко было, а Витькины помогать поднимать мальчика наотрез отказались.

Семейные отношения погрузились в мрак вражды и неприязни. О любви не вспоминали.

Варька едва руки на себя не наложила.

Стыдно сказать, но и я... короче, вбил себе в голову, что Игорёк и не от меня тоже.

Мужское самолюбие было уничтожено. Я рвал и метал.

– Как Варька посмела мне... мне, лучшему другу, фактически мужу, пусть даже не официально, в душу плюнуть, изменить... и с кем, с Сёмкой Плехановым, с грибом трухлявым, практически алкашом. На него же без слёз не взглянешь.

Мне была до жути противна вся ситуация от начала до конца. Я сам себе был противен.

Интрига держала в напряжении всех, включая меня.

Полгода, если не больше, пока Витькина мать не настояла на генетической экспертизе, участники шоу выглядели стаей диких животных.

Ситуация накалялась, мы зверели.

Одно дело – подозревать, догадываться, совсем иное – знать точно. Витьке – что он не отец, что любовь, семья, доверие, всё это – иллюзия, фикция. Мне – что меня провели как слепого щенка дважды.

Думаете легко жить с мыслями о том, что любимая женщина, да-да, не подруга вовсе, а любимая, у нас и медовый месяц был настоящий, и мне наставила рога.

Как Кубасов ни сопротивлялся, а подчинился воле родительницы, пришлось. В их семье практиковался по сути самый настоящий матриархат.

Мне тоже было крайне любопытно, кто же на самом деле отец Игорька.

Варька утверждала, прямо-таки клялась, что сын однозначно мой, что мне, конкретно мне, никогда не изменяла, даже мысленно. Кубасов не в счёт

Ага! Так я и поверил после всего, что вылезло наружу, давило на мозг! У меня в роду ни одного рыжего не было. И это – неопровержимый факт.

Когда пришли результаты экспертизы, все, буквально все, даже безучастные зрители, были в шоке.

Отцом ребёнка оказался...

им оказался... Кубасов, собственной персоной. С результатом совпадения наследуемых признаков в девяносто семь процентов.

Вот те на – сюрприз так сюрприз!

Я ревел всю ночь, реально истекал слезами, до головной боли и помутнения в мозгу.

– Почему не я, по-че-му-у-у-у!!! Я что – бесплоден. Неделю... с любовью в сердце, с огромным желанием, с отчаянной надеждой и невообразимым усердием добивался отцовства. Я... я, а не Витька, чёрт возьми, должен быть родителем Игоря!

Позже выяснилось, что в роду Витькиного отца было много рыжеволосых.

Но свекровь Варьку так и не простила. Как говорится, – часики-то нашлись, а осадочек остался.

Наша с Варькой дружба тоже помалу рассосалась.

Наверно не только она для меня, но и я для неё был немым укором.

Измена – она и в Африке измена, хоть как её обзови, любым фиговым листом прикрой. А Варька, как ни крути – изменила и мне, и Кубасову.

Как же мне было лихо, не передать словами. Любил я её, сильно любил, признаться себе в этом не боялся.

Вот ведь как в жизни случается.

А Игорёк-то всё одно на меня похож, хоть и рыжий.

Дураком я был. Мы ведь с Варькой с детства вместе, даже спали на одной кровати в обнимку, когда родители чего-нибудь отмечали или праздновали. Ведь мог я быть её мужем. Мог! Но не стал. В мозгу сидела прочная установка, даже не так – строгий запрет: с друзьями не спят.

Сам видишь, так я и не женился до сих пор. Однолюб.

– Так женись, какие проблемы? Ты ещё не старик. Оглянись – какие женщины вокруг, одна краше другой.

– Нет, брат, не судьба. Варьку люблю! И Игорёню. Я ведь понял – мы с Витькой вместе его делали. Иначе, откуда у него мужская сила взялась? Не было, не было, а как я там побывал – сразу объявилась. Дыма без огня не бывает. Это я, я чего-то там самое важное у Варюхи разбудил... или у него. У нас ведь, у настоящих мужиков, интуиция – о-го-го!

Брак по расчёту

*Я тебя ощущаю каждой клеточкой тела,
Каждой клеточкой сердца,
Каждым всплеском души.
Мы с тобой начинаем неумело, несмело
Танцевать этот танец, подожди, не спеши!
Алексей Порошин*

Когда Марина Костюк приехала покорять Москву из Винницы, ей было восемнадцать.

Впечатлительное воображение рисовало радужные перспективы, одну ярче другой. Ей мерещилась жизнь, наполненная романтическими приключениями и безграничным счастьем, основой которого непременно должна стать самая настоящая любовь.

В восемнадцать лет все девчонки мечтают влюбиться, подразумевая под этим словом не только чувственные переживания, прогулки при луне и робкие поцелуи, но обязательно фату, подвенечное платье, забываемую свадьбу, благоустроенную квартиру, и конечно детей.

Мечты о тихом семейном счастье вкладывают в их головки с ранних лет. Когда родители покупают девочке первую куклу, она уже знает, что в жизни самое-самое важное.

Для начала Марина наметила получить образование, чтобы появилось серьёзное основание зацепиться в Столице или хотя бы возле неё.

Экзамены в институт Марина сдала, была уверена, что начало желанному сценарию жизни положено.

Не тут-то было. То ли шестерёнка в механизме судьбы сломалась, то ли мест в институте оказалось меньше, чем абитуриентов: по конкурсу она не прошла.

Сдаваться девочка не хотела. Единственная и главная мечта поплакала где-то внутри души и решила не сдаваться.

Марина нашла работу дворником с предоставлением места для проживания в подвальном помещении многоквартирного дома, и дополнительно устроилась посудомойкой в кафе, где работала вечерами, захватывая часть ночи.

Дальше события развивались по предсказуемому для приезжих девчонок сценарию. Жизнь перестала казаться праздником, явив вместо волнующих романтических приключений свою неприглядную противоположность.

Родителям Марина писала, что учится, наполняла строки сообщений жизнерадостным оптимизмом, шутила. Сначала делала это из страха и стыда за свою несостоятельность, потом втянулась в сочинительство, даже получала удовольствие, сочиняя очередную серию впечатляющих воображение историй.

Психика человека устроена странным образом. Чего бы ты ни выдумал, стоит только облечь фантазию в форму повествования, кому-то эту историю несколько раз пересказать, и тебе уже невозможно будет доказать, что такого никогда не было.

Марина мечтала увлечённо и вскоре сама запуталась, где настоящая жизнь, и где воображаемая.

В институт девушка всё же поступила, на это у неё хватило характера, но работу в кафе не бросила. К тому времени она уже стала официанткой. Поселилась в институтском общежитии.

Там подружилась, близко сошлась с Тamarой Лапиной, девочкой интересной, жизнерадостной, симпатичной, увлекающейся. У подружки не было проблем с деньгами, родители присылали ей регулярные стипендии. Конечно, на шикарную жизнь денег не хватало, но было беззаботно и весело.

Планы у Тamarы были схожие, она, как и Марина, мечтала о тихом и радостном семейном счастье, только немного легкомысленном, праздном, поскольку у её семьи, следовательно и

у неё тоже, не было серьёзных проблем. Возле подружки крутились мальчишки, имеющие уже немалые познания во взрослой любви.

Подробностями Тамара не делилась, только эмоциями и впечатлениями, но удивительно сочными, легкомысленными, и очень игривыми.

Конечно, Марина завидовала, пусть и по-доброму. Ей красивая жизнь могла разве что присниться.

Тут она ошибалась. Тамара крутила романы с такими же иногородними студентами, как сама. А за Мариной начал ухаживать сын преподавательницы, коренной москвич, имеющий уже приличную должность, и устойчивое материальное положение.

Леонид Ефремович, так юноша представлялся всем, хотя было ему двадцать три года, постоянно приезжал к родительнице, чтобы вечером увезти её домой на личном авто.

Чем приглянулась ему именно Марина, было непонятно. Если сравнивать с той же Тамарой, девушка, пожалуй, выглядела невзрачно. Это касалось одежды, причёски, мимики. Разве что глаза, на которые невозможно было не обратить внимания, да губы, настолько соблазнительной формы, что сама иногда заглядывалась.

Как бы то ни было, больше полугода Леонид оказывал Марине целомудренные знаки внимания, потом решился и признался в любви.

Жизнь заиграла свежими, до жути яркими красками. Были у них замечательные совместные вечера, позднее дивные ночи. Тамара всегда увязывалась с подружкой, веселила их.

Чтобы чаще быть с любимым, Марина уволилась из кафе, зарабатывать на жизнь стала курсовыми и дипломными работами, которые писала для тех, кому нужен был диплом, а не профессия. Таких студентов оказалось достаточно, чтобы не голодать.

На себя девушка тратила мало, больше копила на светлое будущее. Мама всегда учила думать о том, что жизнь полосатая, поэтому всегда необходимо иметь страховку.

Марина мечтала о свадьбе. Отношения с Леонидом становились всё серьёзнее. В один из вечеров, после посещения модного спектакля, он пригласил девушку к себе домой. Она наивно предполагала, что любимый будет представлять её родителям, отчего радостно трепетало сердечко.

Оказалось, что родители уехали в пансионат выходного дня.

Они пили красное вино, танцевали, много-много целовались.

Отказать милому Марина не смогла. Возможно, не хотела. В их отношениях вроде бы всё было предельно ясно.

После этого дня что-то плавно, незаметно начало меняться. Внешне их встречи, разговоры и ласки оставались прежними, но появилось неоформившееся, смутное предчувствие необычных последствий.

Немного позже, когда Марина узнала точно, что беременна, воодушевлённая, она летела, чтобы сообщить Лёне о радостном событии, хотя не могла до конца осмыслить, что же будет с учёбой, с жизнью.

Тамара в тот день не пришла в институт, поделиться новостью было не с кем. Марина уже несколько дней чувствовала себя плохо, её тошнило. Решила сходить к врачу, отпросилась, и вот...

Леонид по болезни не выходил на работу, и точно был дома. Решила, что он, как будущий отец, должен первым узнать замечательную новость.

На звонок в дверь долго никто не отвечал.

Леонид вышел взъерошенный, возбуждённый, странно суетился. У него горело лицо, дрожали руки, бегали глаза. Марину это совсем не удивило, как и то, что он босиком, в расстёгнутой рубашке.

Она сходу хотела выпалить новость, но увидела краешком глаза, сначала знакомую шапочку, Тамаркину, потом её пальто на вешалке, сапоги.

Голова пошла кругом, мысли путались. Марина понимала, что именно происходит, но отказывалась верить в реальность.

Лёнька мялся, не знал, как разрядить обстановку.

– Почему, Лёня, – безвольно, полущёпотом спросила девушка, вовсе не рассчитывая на ответ.

У неё не было сил и желания выяснять отношения.

Вторая новость моментально превратила беременность из радостного события в серьёзную проблему.

Марина долго бесцельно бродила по неуютному, враждебному городу. Ничего теперь не имело смысла. Учёба, профессия, ребёнок, ошмётки романтических чувств.

Было обидно, непонятно, как безбрежный океан благополучия, обещающего безоблачное счастье, может в одно мгновение превратиться в мерзкое болото.

Тамарка, конечно, скотина порядочная, но от неё нечто подобное было ожидаемо вполне, но Лёня, как он мог пойти на такое низкое предательство, думала девушка, – что теперь! Неужели аборт, – неожиданно мелькнуло в голове, – но ребёнок, в чём он виноват! Это я, я, наивная, глупая, самонадеянная девчонка. Можно было сразу догадаться, что у Лёньки не было серьёзных намерений.

Тамарка вела себя, как будто ничего не произошло. Её жизнь полностью состояла из подобных эпизодов. Впрочем, на этот раз свой шанс она не упустила. Через два месяца они поженились и бывшая подруга переехала жить к Лёньке.

Было грустно. Скорбь по не рождённому ребёнку и умершей любви царапала душу.

Печальный опыт ничему Марину не научил. Молодость полна оптимизма. Или глупости.

Она долго не могла научиться относиться к людям критически.

Девушка влюблялась ещё несколько раз, и каждый раз расставалась не по своей воле. Кто-то уходил от неё, не добившись того, зачем знакомился, другие предавали как Лёнька, третьих Марина оставляла сама, потому, что ничего серьёзного не получалось.

Возможно, что-то внутри у девочки перегорело, или печальный опыт недавнего прошлого выступал в качестве сторожа. Не срасталось и всё.

Время шло. Упорство и способности, не истраченные на любовь, пригодились в повседневной жизни. Марина Викторовна получила за плодотворный труд квартиру, а работала она начальником планового отдела в небольшом, но хорошо финансируемом исследовательском центре.

Ей неприкрыто завидовали, за глаза называли стервой.

Мужчинам Марина нравилась, но осторожность не позволяла никому из претендентов заходить за флажки, потому, что женщина не видела в их глазах главного, потому не могла открыться, тем более доверять. Слишком жива была память о предательствах.

Наглые предложения – “мы же взрослые люди” или “секс – не только наслаждение, это прежде всего здоровье”, она отсекала на корню.

Однако возраст и природа требовали что-то срочно предпринимать. Без любви, теперь она это понимала, прожить можно, невозможно бесконечно долго терпеть неприкаемое одиночество и настойчиво требовательное возбуждение, терзающее изнутри.

Возможно, если бы у неё не было никакого интимного опыта, если бы не познала в своё время восхитительных ощущений, подобные мысли не приходили бы в голову. Но Марина помнила каждое мгновение того, самого первого в жизни события, за которое была благодарна Леониду.

Часто в тишине уютной квартиры, устроившись как можно удобнее, закрыв для полноты и интенсивности восприятия блаженных эмоций глаза, женщина переживала те сладостные мгновения: ощущение головокружительного полёта от нежных прикосновений, истому, мисти-

ческий трепет и невесомость, рождённые тесными объятиями, чарующую сладость по-настоящему интимного поцелуя, непостижимое таинство сближения.

Шаг за шагом, воспроизводила она по памяти подробности чувственных слияний, вновь и вновь осязала каждое движение, каждую волнующую вибрацию изнутри и снаружи. Чувствовала, как накрывает предвкушением чуда ещё до начала свидания, как телом и мыслями овладевает в полной мере неистовое физиологическое возбуждение, как пульсирует, пронизывая каждую клеточку желанием телесного единения плоть.

Марина запомнила всё-всё, даже запахи и звуки.

Чем старше она становилась, тем сильнее и ярче реагировала на воображаемые свидания. Но, возраст стучал в мозгах, напоминая, что ей уже минуло тридцать. Ещё немного и на ярмарке невест за неё не дадут ломаного гроша.

Попытки найти любовника за пределами предприятия, там, где её не могли бы узнать – в интернете, по объявлениям на сайтах знакомств ни к чему не привели. Слишком высоки были требования к претенденту. Для Марины было принципиально важно, чтобы мужчина был холост, чтобы не имел проблем с законом и жилой площадью, чтобы внешне был привлекателен, интеллигентен, эрудирован, чтобы не страдал комплексом донжуана.

Марина подготавливалась к диалогам с претендентами, задавала им неожиданные вопросы и исключала из списка одного за другим. Большинство из мужчин безбожно ввали в анкетах, преследовали меркантильные цели или искали пару для весёлых встреч за пределами семьи.

Два раза всё же она решалась на настоящие романтические свидания.

Увы, и эти попытки были безуспешными. После этих интимных прогулок Марина долго смеялась сквозь слёзы, никак не могла понять, на что эти люди рассчитывали.

Влюбляться на работе было немыслимо, хотя был один интересный сотрудник. С чужинкой, но он иногда так на неё смотрел, что по телу россыпью начинали бегать мурашки.

Этот взгляд не был похотливым, скорее заинтересованным, но пробирал до самых печёнок, да так, что у неё, взрослой женщины, начинали пылать щёки и намокали от нескромных желаний трусики.

Павел Антонович, программист, был на несколько лет моложе Марины. Чрезвычайно мозговитый товарищ. От любых компьютерных проблем избавлял моментально, с шуточками и прибаутками, но женщин сторонился, даже опасался.

Он был безнадежно холост, ни в каких общих мероприятиях не участвовал: работал и работал. На его уме и сообразительности, собственно, весь исследовательский центр и держался. Его профессиональными качествами безбожно пользовались.

Павлу можно было поставить задачу, как бы невзначай, мимоходом, но так, чтобы она заинтересовала его, и дальше не волноваться. То, что не успевал сделать в институте, он доделывал дома.

Выглядел Павел, конечно, не очень, как и большинство неприкаянных холостяков, прячущихся от близких и серьёзных отношений в застенках увлечений, заменяющих ими жизнь. Худой, небритый, в не очень свежей, как, впрочем, все неисправимые холостяки, одежде. Но взгляд, под ним она буквально таяла.

Его недостатки неприглядными Марина не считала, она опиралась на глубинную интуицию, которая никаких негативных знаков относительно его внешности не посылала.

Свой интерес женщина тщательно скрывала, как ей казалось, просто старалась чаще обнаружить, иногда выдумать, проблемы в компьютере, тормозила их немедленное исправление, чаще и чаще посылала мимолётные, но крайне заинтересованные взгляды.

И натыкалась на встречные, столь же приветливые и добродушные.

– Ты чего, подруга, – сказала ей как-то заместительница, – неужели влюбилась в этого нелюдимого увальня! Он же немножечко того, ку-ку, что ли. Хочешь, я тебе такого мальчика подгоню, пальчики оближешь. Давно тобой интересуется.

– Не хочу, Инна Сергеевна, не хочу облизывать то, что уже тысячу раз до меня облизали. Как ты определила, что с Павлом Антоновичем что-то не так?

– Ну-у-у, разве это мужик! Ни баб, ни интересов, только компьютерное железо и программы на уме. Или маменькин сыночек, или того хуже – импотент. И денег у него никогда нет. Не задумывалась – почему, зачем тебе, Мариночка, такая кила!

– Зачем и почему, не думала. Собственно, ничего не думала. Никто мне не нужен, Инна Сергеевна. Одной спокойнее.

– Как знаешь. А то у меня любовник освободился. Получил полную отставку. Не люблю, знаешь ли, привязываться. Слишком хорошо – тоже плохо. Жгучий брюнет, настоящий мачо. И с деньгами, между прочим, что тоже, согласишься, приятный бонус. Женат. Но ты ему нравишься, сам просил с тобой познакомиться.

– Спасибо! Я привыкла жить одна.

Легкомысленные связи Марине ник чему. Благотворительностью она не занимается, гуманитарную помощь голодающим сексуальным гигантам не оказывает. Ей бы проще, но чтобы надёжно, и без драматических последствий. Пусть даже без любви.

Впрочем, какая может быть любовь у женщины, которая однажды уже обожглась. Близкими можно быть и без любви. Если доверяешь, если испытываешь внутреннюю симпатию.

Марина много раз натыкалась на мысль, что от хорошего человека, если уж не складываются интимные отношения, не прочь родить, исключительно для себя, без обязательств с его стороны по поводу отцовства. Но она должна быть уверена в безупречной репутации, в отменном здоровье будущего родителя, во взаимном понимании того, что все пункты договора будут добросовестно исполнены.

И ещё одно: отношения не должны стать достоянием общественности. Пусть беременность и рождение ребёнка останутся интригующей тайной.

Когда люди шепчутся, не имея достоверной информации, любые поползновения можно отбить при помощи уничтожающего взгляда.

Случай познакомиться с Павлом Антоновичем ближе представился вскоре. Сломался домашний компьютер, а без него Мариночка просто не могла существовать.

С некоторых пор она стала мучительно бояться одиночества. Чтобы заполнить пустоту, всё свободное время курсировала по просторам всемирной паутины.

Мысль использовать удобный повод, чтобы завязать доверительный разговор на щекотливую тему, появилась уже после просьбы о помощи.

К приходу Павла Антоновича она испекла шарлотку с малиной и яблоками, сделала мясо по-русски с белыми сушёными грибами в керамических горшочках, купила марочное сухое вино, даже бутылку водки. На всякий случай. Вкусы у мужчин и женщин разные, да и беседа предстоит не из лёгких.

Марина волновалась так, что всё выпадало из рук. Несколько раз чуть не дала задний ход, прятала приготовленные с таким усердием блюда в бездонные кухонные шкафы.

Вопрос решился сам собой. Звонок в дверь прозвучал как приговор, как гонг на ринге бойцов без правил. Изменить ход событий стало почти невозможно, потому что второй попытки может не случиться. Или-или!

Павел Антонович был, как никогда прежде, серьёзен. С порога протянул хилый букетик из трёх разлапистых хризантем разной расцветки, застенчиво поглядывая на дырявые носки, прошёл в комнату, бросив куртку и шапку прямо на пол прихожей.

– Ну-с, Марина Викторовна, показывайте, где у вас больной, сразу и приступим.

– Можно полюбопытствовать, по какому поводу цветы?

– Гм, кх-кх, не мог же я прийти в гости... к обворожительной женщине, без подарка. Извините ради бога, совершенно не разбираюсь в цветах! Зато понимаю в компьютерах. Я ведь за этим здесь...

Мужчина так посмотрел на хозяйку, что у неё подогнулись ноги. Она с удовольствием включилась бы в дуэль чувственными взглядами, но тогда станет невозможным в принципе разговор о том, что её больше всего волновало в эту минуту.

Нужно постараться погасить предательский трепет в возбуждённом неожиданным ликованием теле, сдержать клокочущие эмоции, посылающие сигналы искренней интимной радости совсем не туда, а главное – не вовремя. Сейчас Марине не до сантиментов. Этот мужчина не нужен ей в качестве героя любовника, его роль более меркантильная, и куда менее романтическая, чем он предполагает.

– Вы, Павел Антонович... я хочу спросить относительно эпитета, которым меня одарили, вы серьёзно считаете меня привлекательной, или я удостоилась похвалы по причине более высокого, чем у вас, служебного статуса?

– Разве есть повод сомневаться! Посмотрите на себя в зеркало. Очарована, околдована. С ветром в поле когда-то повенчана... простите, вы единственная, кому я могу преподнести цветы, потому что смотрите на меня совсем не так, как прочие. При встрече взглядом с вами у меня замирает всё внутри. Вы, Марина Викторовна, божественно привлекательны. Если бы вы только позволили, я...

– Ну-ну, договаривайте, что вы замолчали! Очень интересно, кто с кем повенчан и прочее.

– Ремонтировать будем, показывайте уже вашу проблему.

– Не я первая начала... петь, рассыпать многозначительные комплименты. Договаривайте. Вы бы... что именно я должна услышать, заинтриговали, право слово. Вот, смутили меня, теперь вся грудь покроется белыми пятнами. У меня всегда так, когда переживаю, нервничаю.

– В песне так поётся. И всё. Простите ещё раз, Марина Викторовна, если обидел. Вы мне действительно нравитесь. Я даже хотел сегодня, собственно, потому и цветы...

– Вы всегда произносите лишь половину фразы? Оставляйте здесь свой чемоданчик, мойте руки. Компьютер подождёт. У меня к вам очень интимное деловое предложение.

– Я же ничего такого не имел в виду.

– Имели, Павел Антонович, ещё как имели. И не спорьте со мной. Ванная в коридоре налево. Ваше полотенце в синюю полосочку.

– Моё!

– Не придирайтесь... и не путайте. Думаете, мне просто, вот так, запросто разговаривать с вами на подобные темы? Вы должны меня выслушать до конца. Можете смотреть в глаза сколько угодно, только пока молчите, иначе я собьюсь и не скажу главного.

Павел пришёл в кухню, где был накрыт по-настоящему праздничный стол. Он чувствовал себя явно не в своей тарелке, даже было подумал уйти немедленно от греха подальше, но любопытство и разогретые до состояния огненной лавы чувства оказались гораздо сильнее страха.

– Наливайте, Павел Антонович, не стесняйтесь. Этот стол, обстановка, всё это совсем не случайно. Что будем пить – вино, водку?

– Я же тогда... а компьютер... когда выпью, соображаю плохо.

– Неважно. Бес с ним, с компьютером. У нас встреча совсем по другому поводу. Я вас за язык не тянула, сами сказали, что нравлюсь, или это не так?

– Ну, как бы... не настолько, чтобы... конечно, вы удивительная... как любая привлекательная женщина.

– Как любая!

– Да нет же, я совсем не то хотел сказать. Вы обаятельная, вы просто прелесть. Именно это я хотел вам сказать. Посмотрите на меня, ласково посмотрите, я должен поймать кураж, вдохновение, чтобы высказать всё, что волнует меня уже сложно сказать сколько времени.

– Ладно, не буду смущать вас расспросами и допросами, всё равно ничего не скажете. Всё просто, Павел Антонович. Я взрослая женщина... самостоятельная, самодостаточная, успешная, но... не представляете, как изнуряет, выматывает одиночество. Женитесь на мне.

– Как, вот так сразу!

– А вы умеете постепенно! Сколько нужно времени, чтобы принять ответственное решение, чтобы дать конкретный ответ... неделю, месяц, год! И вообще, сколько можно выкать. Я буду называть тебя Паша, согласен?

– Да я... ну, как бы, не против. Не против имени. Паша, так Паша. Тогда ты, стало быть, Маша. Но с чего вы... то есть ты, решила, что мы... разве ты меня любишь?

– Этого сказать не могу. Но ты мне интересен. Предлагаю попробовать жить вместе. Без сантиментов. Представим себе, что знакомы давно, очень давно, что всё-всё друг про друга знаем, что нам хорошо вдвоём. Разве это так сложно, представить себе, что влюблён по-настоящему? Никакими обязательствами и ограничениями связывать тебя не собираюсь. Свободный союз. Не понравится – разбежимся, и забудем. Но факт сожительства должен остаться между нами. На работе никаких панибратств и нежностей.

– Я, пожалуй, водочки выпью. А вам, тебе, чего налить?

– Не слышу ответа. Принимаешь, правила игры, или нет?

– В таком случае, должен, прежде чем ответить, прояснить некоторые моменты своей судьбы после окончания игры, если ты вдруг передумаешь. Дело в том, что я однажды уже был женат. Кажется, да, думаю, так и было, мы любили друг друга до потери пульса. Но у Ларисы со временем появилось много претензий, необоснованных, как я это понимаю. Я её не виню, характер у меня сложный, замкнутый. Она нашла более подходящую кандидатуру. Вот! Но женщинам с тех пор я не могу довериться. Боюсь повторения.

– Какое совпадение. Я тоже... не девочка, сходила как-то замуж, тоже по любви. Правда, муж был гражданский. Любимого увела лучшая подруга. С другими мужчинами, скрывать не буду, вообще ничего не складывалось, хотя монашкой я не была. Думаю, в отношении любви, брака и секса на стороне мы квиты. Можем смело обнулять те несостоявшиеся отношения.

– Понимаешь, Маша, я чувствую некий дискомфорт, настороженность, даже больше – страх. Что, если у нас совсем ничего не получится?

– Ничего не будет. Совсем ничего. Ты вернёшься жить к себе, я останусь здесь. К одиночеству нам не привыкать. А вдруг это шанс?

– Немыслимо, такое даже представить себе невозможно! Меня сватает женщина. Как ты думаешь, кем я выгляжу в собственных глазах? Катастрофа!

– Не преувеличивай, Пашенька. Итак, с организационными вопросами мы вроде закончили. Сделай же и ты чего-нибудь. Если ты муж, веди себя соответственно, поухаживай, можешь поцеловать. Не мне тебя учить.

– То есть... хочешь сказать, что уже можно, что игра началась!

– Тебе виднее, Павлуша, как муж должен выражать искренность чувств. У тебя есть ко мне чувства?

– Ещё бы, Машенька! Не представляешь, как давно и сильно тебя хочу, просто зверею иногда.

– Вот и покажи, на что способен, а то играем в гляделки, как юнцы.

Вот так, без любви, играючи, они начали жить.

Через два месяца справили свадьбу.

На работе никто не удивился. Такой исход предполагали давно, даже пари заключали.

Павел Антонович похорошел, стал одеваться соответственно положению и возрасту. Про Марину Викторовну и говорить нечего: на крыльях летала, на землю порой забывала спускаться.

Со временем молодожёны обросли общим имуществом. Они и не предполагали, что для семейной может понадобиться машина, дача, что две маленькие квартиры можно обменять на одну большую.

Сына, которого называли Антон, тоже заранее не планировали. Он просто захотел и родился, на радость папе и маме.

А любовь, спросит кто-то, как же без неё?

Кто его знает, существует ли она на самом деле, любовь.

Соединяют люди судьбы по большой и страстной любви, а в итоге получают претензии, страдания и измены. Ошибочка, говорят, вышла, характерами не сошлись. Никто не планировал возникновение конфликта между двух любящих, а он бац и вызрел, да затяжной, непримиримый.

Оба в результате трагически несчастны. Расползаются по сторонам, раны зализывают.

У других всё ровно, без страстей и пламенных эмоций, вроде, как по расчёту, в результате крепкая семья, любовь, преданность, и верность.

Написал вот последнюю строчку, сижу и думаю: сказать-то чего хотел, что без любви интереснее? Так ведь нет, на самом деле Паша и Маша тоже по-своему влюблённые, только признаться в этом боялись, даже самим себе.

Взрослые люди

*Ну, вот и всё, окончен год,
простились вроде...
А он сидит, чего-то ждёт – и не уходит.
И теребит мои ключи
в ладони красной...
Но я молчу – и он молчит:
и так всё ясно.
Анна Полетаева*

Ничто не предвещало грозу.

Был замечательный день, изумительный вечер, раскрашенный закатными переливами с оранжевым, алым и васильковым акцентом.

Такого огромного солнца, в половину неба, на фоне которого летела стая птиц, Сергей и Катя, кажется, никогда ещё не видели.

Настроение пело и плясало, тем более, что их ждали у подружки, которая наметила справить день рождения. Двадцать пять лет не каждый день случается.

У парочки ещё было время. Сергей уговорил жену досмотреть закатное шоу до самого конца. Натанцеваться они ещё успеют. Ведь пригасили к половине десятого. До Серены идти пешком не больше десяти минут.

Сергей прижал милую, празднично одетую супругу, притянул к себе её голову, поцеловал в ушко, в шею. Девушка поёжилась, посмотрела на мужа ласково-ласково, но словами выразила не восторг, а негодование, – причёску помнёшь, медведь.

– Как же хорошо мне с тобой, Катюшка, не представляешь. Так бы стоял всю жизнь на берегу этого пруда и не выпускал из рук своё счастье. Может, ну её, Серену, по телефону поздравим? Я так хочу побыть с тобой наедине. И вообще хочу, просто задыхаюсь от желания.

– Глупее ничего не мог придумать! Не обижайся, она моя лучшая подруга. Можно подумать, не успеешь наиграться в любовь. Будет тебе счастье, Серёженька, всё, что захочешь, будет... нужно немного потерпеть, дожждаться, когда останемся одни. Мы же взрослые люди.

– Ждать, так ждать. Знаешь, Катюша, у меня беспокойство какое-то. Сам не пойму, что со мной происходит, но сердце шемит.

– Ерунда. Ты нарочно так говоришь, чтобы в гости не ходить. И не вздумай портить мне настроение ревностью. Танцевать сегодня буду, с кем захочу. Серенка гостей пригласила, жуть сколько. Оторвёмся по полной. У меня уже ноги в пляс пошли... от предвкушения хмельного азарта. Не сердись, любимый. Завтра всё возьму... в призовом размере. Сегодня веселимся.

– Завтра так завтра. Как говорит моя мама – у бога дней много.

Гостей у подружки действительно оказалось много. Сергей почти никого не знал.

Катя сходу завелась, как электрический моторчик, забыв про мужа. Танцы и весёлые кампании она обожала.

Предчувствия не отпускали Сергея. Что-то изнутри настойчиво напрягало.

Катя увлечённо танцевала. Мужчины приглашали её наперебой.

Один танец она подарила мужу, но он не был любителем обниматься на людях под музыку, тем более без настроения, потому из этой затеи ничего хорошего не получилось.

Немного погодя, когда было произнесено много тостов, продемонстрированы подарки имениннице, поведение гуляющих стало приобретать пошловатый оттенок.

Кавалеры без стеснения прижимали в танцевальных движениях дам, оглаживали их крутые попки, что-то фривольное шептали, дотрагивались губами до чувствительных точек, вызывающих слишком откровенного характера восторг.

Люди все взрослые, имеют право. Тем более что семейная пара на этом празднике всего одна, он и Катя.

После очередного танца Сергей увлѣк жену на улицу, подышать. Думал, что удастся уговорить завершить приключение на этой замечательной ноте.

Катя согласилась выйти. Еѐ слегка шатало от выпитого.

Кто-то из гостей курил. Жена залихватски попросила мужчину угостить сигареткой, что было странно, она не умела курить.

Сергей узнал в нём одного из кавалеров, который настойчивее других кружил жену в танцах.

Жена уверенно подкурила у него, вдохнула едкий дым полной грудью и закашлялась. По еѐ лицу потекли слѣзы вместе с косметикой.

– Пошли домой, Катенька.

– Так и знала что попытаешься испортишь праздник. Не нравится, не мешай другим. Лично я остаюсь. Роман, проводите меня, – настойчиво потребовала девушка, – хочу танцевать.

Сергей отодвинул было в сторону провожатого, но получил неожиданный удар в солнечное сплетение.

Дыхание остановилось, в глазах померк свет. На некоторое время он отключился.

Жены и еѐ агрессивного кавалера не было.

Удар от мужчины Сергей перенѣс стойко, а от Кати...

Неожиданно засвистел ветер, налетая порывами, сгибающими деревья. В глаза полетел песок, мусор кружился в свете уличных фонарей. Молнии одна за другой засверкали поверх деревьев, затем раздалась разрывы грома, хлынул дождь.

На втором этаже были раскрыты балконные двери, громкая музыка звучала в перерывах между раскатами.

Мокрый Сергей стоял, не решаясь ни на что.

Всѣ же нужно попытаться увести Катю домой. Она опьянела, сама не понимает, что делает.

На кухне и в зале жены не было. Гости по-прежнему веселились.

Сергей прошѣл в дальнюю комнату и обомлел. Катя и танцор целовались, лёжа на диване. Рука мужчины шарилась у Кати под юбкой. Они были настолько увлечены процессом, что никого не замечали.

– Что же, – с горечью подумал Сергей, – действительно взрослые люди. Нет смысла прерывать удовольствие, устраивать на людях скандальные сцены. Пусть развлекаются, если это единственная и основная цель их жизни.

Настроение... какое к чертям собачьим настроение! Мужчина шѣл по лужам, не разбирая дороги. Сознание привело домой, куда же ещѣ.

Что он чувствовал? Этому невозможно дать определение. Сначала внутри бушевал ураган, сверкало и гремело. Долго, бесконечно долго. Потом всѣ прекратилось, разверзлась дыра, через которую заползала пустота.

Сергей пил крепкий кофе, чашку за чашкой. Такого мучительного похмелья у него никогда ещѣ не было.

Сердце стучало с перерывами, в голове шумело, в глазах сверкали концентрические круги, взрывающие мозг.

Как такое могло произойти! Катя, милая девочка. Ведь они были так счастливы вместе.

Сергей силился вспомнить что-то хорошее. Сознание настойчиво выдавало одну и ту же картинку: уверенные движения под платьем жены мужской руки.

От очередного глотка кофе его вывернуло наизнанку, потом сами собой потекли слѣзы.

Ненадолго после этого Сергей забылся. Очнувшись, начал лихорадочно соображать, что делать.

Решения не было. Он знал лишь одно, что вчера ещё любил эту девочку больше жизни. И что теперь делать с этой любовью?

Мысли путались. Временами Сергей умудрялся себя убедить, что ничего трагического на самом деле не было, что ему показалось. Это было видение, мираж, галлюцинация. Что угодно, только не измена.

Он потерялся в пространстве и времени, витал в мареве фантазий. Когда приходил в себя, решал, что жить больше незачем.

В дверь позвонили. Настойчиво, длинно. Затем начали стучать ногами. Так могла требовать открыть только Катя. Его Катя.

Сергей машинально вставил ключ в замок с внутренней стороны, когда пришёл ночью. Увидев в глазке Катю, обрадовался было её возвращению, но память вернула на ментальный экран неприглядную сцену.

Его передёрнуло от брезгливого отвращения.

– Пусти, Серёжа! Пожалуйста, открой, – кричала Катя, – я тебя очень прошу... на надо поговорить.

Она барабанила в металлическую дверь руками и ногами. Было слышно, что она плачет. Сергей не мог определиться, хочет ли её видеть.

Там, за дверью, была совсем другая Катя, женщина, которую он совсем не знает. Чужая, к которой ничего, кроме неприязни, здесь и сейчас чувствовать не мог.

– Серёжа, миленький, не бросай меня, не отталкивай. Давай поговорим... как взрослые люди. Я тебя очень прошу. Впусти, нельзя же выяснять отношения на глазах у всего подъезда. Да, я виновата, очень виновата, признаю. Но давай обсудим инцидент без свидетелей. Я всё объясню.

Сергей стоял за дверью в их общую квартиру. Не впускать жену было глупо, да и ни к чему действительно выносить сор из избы, превращая размолвку в публичное шоу.

Он открыл, стараясь не глядеть в сторону жены, развернулся, пошёл на кухню.

События происходили в автоматическом режиме, словно в дурном сне.

– Я знаю, ты всё видел. Прости, если можешь! Не знаю, что на меня нашло. Я поступила подло, гадко. Пойми, это была... как бы... совсем не я. Я понимала, на самом деле понимала, что делаю... но не могла остановиться. Мне хотелось чего-то тебе доказать, наказать что ли. Мной руководило чувство противоречия.

– Зачем мне всё это знать? Ты это была или не ты, но целовались вы на моих глазах. И рука в твоих трусах была настоящая. Да и стонала ты, катя, вполне натурально.

– Серёженька, любимый, я ничего не отрицаю. Да, я поступила гадко. Там, у Серены, было только начало. Я подчинилась этому мужчине, словно загипнотизированная. Мы даже не разговаривали. Он глазами и жестами приказывал, я соглашалась.

– Как у вас, взрослых людей, всё просто. Я больше половины года не мог решиться на робкий поцелуй, а ему ты не могла отказать после первого танца.

– Я же объясняю, это было наваждение. Сама не понимаю, как такое могло произойти, что это было.

– Подразумеваю, интимная связь между мужчиной и женщиной называется секс. Обыкновенные развратные действия, без любви, ради удовлетворения животной страсти. Видимо, подобные фантазии давно будоражили твоё воображение.

– Нет же, Серёженька, нет! Это была нелепая роковая случайность.

– С чем тебя и поздравляю. Если я ни о чём подобном не грезил, мне и предложений таких никто не сделает. Мысли, Катенька, материальны. Признайся хотя бы себе, что стечение обстоятельств, кажущаяся случайность, вполне закономерна.

– Тебе непременно хочется меня обвинить, выставить развратной, порочной, лживой?

– Помилуй, ты сама эту постыдную связь сделала достоянием общественности. Сначала у Селены, теперь здесь, в подъезде.

– Да, Серёженька, я дрянь... не сумела справиться с вожделением. Но я твоя жена... и хочу быть ей всегда. Пойми меня и прости! Я не такая на самом деле, вот увидишь. Я хорошая, верная.

– Похоже, Катенька, ты сама не знаешь, какая. Любой поступок только в первый раз тяжело совершать, потом даже самое неприглядное действие становится привычной обыденностью. Любопытство заставит тебя повторить острые ощущения. Возможно, возбуждение и сладострастие сильнее твоей воли. Я не знаю, если честно, не хочу ничего знать про механизмы измены. Мне просто противно будет к тебе прикасаться.

– Ты меня больше не любишь, не желаешь даже попытаться простить!

– Мы же взрослые люди. Ты забыла добавить эту ритуальную фразу, которой можно всё объяснить. Да, мы сформировались, созрели. Можем себе позволить. Если доверие и верность, просто ничего не значащие слова. Нам лучше расстаться.

– Как, почему? Ты не можешь так со мной поступить!

– Ты же смогла. Я любил ту Катеньку, с которой счастливо прожил три года. Ты – самое прекрасное, что случилось в моей жизни. Теперь ещё и самое ужасное. Не знаю, получится ли пережить этот шок.

– Прости, миленький... я больше не буду!

– Меньше, как оказалось, тоже не будешь. Как думаешь, танцор тебя любит? Сомнительно. Зачем ему доступная женщина. Он про тебя уже всё знает. Теперь и я тоже.

– Каждый может оступиться, сделать ошибку. И что, сразу приговор и смертная казнь!

– Я тебя не гоню. Сама не захочешь со мной жить. Мы потеряли самое главное, что превращает обыкновенные эмоции в чувства, а чувства в любовь – доверие.

Больше супругам не о чем было говорить. Тем более, скандалить, спорить. Жизнь сама расставила всё по местам.

Развелись они через два месяца.

Во власти страсти

*Это просто пора, когда нечего ждать,
да никто и не ждёт, никому и не надо
снова верить во что-то, до сжатых пружижи,
окрестясь, оголенной проводки касаться...
В холода как-то легче казаться чужим.
Как-то проще казаться.*

Ольга Аникина

На дворе трещал хрустящий мороз. Пронзительный, сбивающий с ног ветер, разметающий, веером, зигзагами и воронками колючий сухой снег, наметал сугробы, похожие на дюны. Погода в Заполярье редко бывает устойчивой, ровной. Как правило, настроение стихии меняется по многу раз за день.

Что касается детей офицеров: стихия нас не особенно трогала. В клубе части всегда тепло и весело. Здесь ребятню ждали спортивные снаряды, полоса препятствий, ежедневный киносеанс, концерты художественной самодеятельности, настольные игры, читальный зал. Субботними и воскресными вечерами солдатский клуб похож на Дом пионеров.

Нас, офицерских детей, человек двадцать, можно сказать коллектив, хотя возраст у всех разный. Ссор и новичков здесь практически не бывает. Но сегодня появилась новая девочка, Леночка Тюрина – дочка нового начальника местного аэропорта.

Её отец гражданский, но на лётном поле взлетают и садятся, в том числе и военные самолёты, поэтому ему выделили служебную жилплощадь в гарнизоне.

И вот девочка здесь, с нами. Ей только-только исполнилось пятнадцать лет.

Прежде я никак не мог осмыслить понятие, часто встречающееся в книжках – лунолика.

Не мог себе представить, как лицо может походить на Луну. И вот она передо мной. Круглолицая как сдобный оладышек. Лицо, светящееся серебряным светом, обрамлённое копной почти чёрных волос. Мерцающая улыбка, мягкий, как у котят, слегка плутоватый взгляд из-под густых ресниц, девственно-белая кожа.

Не сказать, что она красивая: обыкновенная девчонка, каких много, но изюминка в ней угадывалась с первого взгляда: обаятельная манерность, способность выгодно подать не особенно выразительную внешность как неоспоримое преимущество, чем она умело пользовалась.

Лена сразу "взяла быка за рога", начала рулить и верховодить. И не только малышкой, но и нами, ребятами постарше. Мне шёл восемнадцатый год. Я был старше всех. Конечно, мои увлечения отличались от интересов прочих офицерских детей взрослостью. Я любил далеко и надолго, иногда на несколько дней, в одиночестве, с ружьём за плечами или рюкзаком и спиннингом, уходить на дальние ручьи и озёра, далеко в тундру. Иногда умудрялся убежать на сто и больше километров. Город, особенно зимой, виден издали: заблудиться сложно.

Избежать рискованных романтических приключений в снегах и болотах довольно сложно. Множество эпизодов в скитаниях по девственным территориям таили в себе опасность, но охота пуще неволи – удержаться от походов не было сил. Мне необыкновенно везло.

В клуб, несмотря на не детский возраст, я ходил постоянно. Мне нравилась обстановка спортивного зала, возможность таскать штангу, качаться на турнике и брусьях. К тому же приходилось следить за младшим братом.

Меня обычно ждала ребятня, чтобы услышать очередную историю. Рассказы я запросто сочинял на ходу. Особенно малышкой вдохновляли страшилки. Обычно мы усаживались в тёмной комнате, плотно закрывали дверь, где я жутким голосом вещал очередную новеллу с неожиданным страшным концом. Ребята пищали, когда повествование доходило до кульмина-

ции, но слушали. И просили еще. Развлекать их наскучивало лично мне, поэтому за один раз звучала чаще всего лишь одна история.

В тот день всё шло как обычно. Наигравшись и напрыгавшись до одури, фильм в тот день не привезли, мы отправились в учебную комнату, закрыли на швабру дверь изнутри и приступили к озвучке очередной драмы.

По странному стечению обстоятельств, Леночка села справа от меня. Слева, сидел Вовка Дурман (ударение на букве У). Не знаю почему, но сегодня я рассказывал особенно страшную историю. Дело было в полной темноте. Светились, совсем чуть-чуть, лишь серединки зрачков у заранее напуганных слушателей.

Малышня сидела тесной кучкой, по опыту зная, что рассказ обязательно закончится неожиданно жутким сюрпризом. Мне нравился эффект внезапности, когда возбуждённые ожиданием дети начинали верещать от страха. Один раз двое описались, но потом громче всех просили рассказывать ещё.

– В дверь постучали, но никто не открыл. Мальчик, дрожа от страха, спрятался под кровать. Неожиданно, его с силой схватили за плечи и замогильным голосом закричали, – отдай моё сердце!

Как всегда начался переполох. Только на этот раз в меня вцепилась новенькая, которая не была готова к внезапному потрясению. Девчонка сграбастала меня в охапку, словно тисками сжала шею. Я едва не задохнулся. Влага из глаз обжигала мне лицо, но в целом неожиданные объятия, ощущение предельной близости с девушкой, её возбуждающий запах, вдохновили. Когда мне удалось ослабить её смертельную хватку и включить свет, Леночка сотрясалась в рыданиях, свернувшись в позе эмбриона. Она рыдала. Слушатели в недоумении смотрели на "почти взрослую тётю", которая "ревёт, как девчонка". Малыши повисли на ней, – это же понарошку. Мы же не плачем.

Я принялся её успокаивать, прижал к себе. Леночка перестала плакать, только всхлипывала. Не ощутить её упругую грудь было попросту невозможно. А какой от неё исходил аромат. Настоящий дурман. Я улыбнулся, отметив в уме, что справа от меня хмельной дурман, а слева Вовка Дурман. Забавное сочетание. Однако мне было не до веселья: в моей жизни это был первый, единственный живой контакт с девичьим телом.

Несколько раз на танцах удавалось украдкой потрогать талию, плечи или прикоснуться мимолётом к иным соблазнительным выпуклостям, но такие бонусы длились мгновения, а здесь время остановилось, превращаясь в тягучую липкую субстанцию. Комната двигалась медленно, плавно. Даже голоса ребятни звучали как бы издалека.

Когда девчонка успокоилась, я решил продолжить шоу: пусть посидит рядом подольше. Теперь Тюрина слушала, цепко держа меня под руку. Кажется Леночка абсолютно не испытывала желания и потребности освободить меня от избыточного внимания.

У меня удивительно приятно кружилась голова, бился, словно птица в клетке строптивый пульс, предательски тряслись коленки. Честно говоря, я ужасно устал, просто выдохся за эти несколько минут. Вроде ничего не делал, а на организм навалилось напряжение, пытаюсь отключить сознание.

Дальше произошло и вовсе что-то для меня непонятное: я её поцеловал. В лобик, как малютку, испытал то ли угрызение совести, то ли неловкость и стыд, словно совершил нечто запретное, предосудительное.

Я заливался соловьём, сочиняя самую смешную, самую трогательную и эксцентричную историю. Когда повествование закончилось, Леночка посмотрела не меня как-то по-особенному, слишком внимательно, что ли. Вернула поцелуй. В губы. И рассмеялась.

Естественно я смутился, нелепо потупив взгляд, зачем-то извинился и вышел на воздух.

На улице был мороз градусов тридцать пять, не меньше, и пронзительный ветер. В это время года пурга и выюга обычное явление. С меня струился пот.

Следом, немного погодя, вышла Лена, уже одетая. Она ёжилась от холода, закрывала варежкой нос.

– Не подумай, что я притворялась. Меня никто не предупредил, что будет страшный сюрприз. Я действительно испугалась. С детства ужасиков боюсь, бабая и милиционера. Ещё кладбищ. А ты ничего, забавный. Малышня тебя обожает. Давай... чуть не сказала дружить. Давай встречаться. Я в городе никого не знаю. И город не знаю. Покажешь?

Не скажу, что был без ума от этого предложения. У меня и без неё забот и интересов полно. Менять увлечения и планы не в моих правилах. Я одиночка. Теперь с этой возиться.

Не скрою – мне было по-настоящему приятно дышать ароматом её волос. Чувствовать тепло и близость, но кто знает, каких сюрпризов можно ожидать в дальнейшем. Отказаться не посмел, не смог. Поживём – увидим. Встречаться, так встречаться. Нам ли, романтикам, трудностей бояться?

– Завтра мне некогда, на охоту иду. Послезавтра поговорим.

С охотой не срослось. После техникума меня ждала возбужденная, просто скачущая от радости Леночка. Она бежала навстречу вприпрыжку. Подскочив, не успела остановиться, впечаталась в меня сходу, чуть не сбив с ног. Достала из варежки две бумажки, – два билета! Мы с тобой идём на премьеру фильма "Табор уходит в небо". Представляешь, никто ещё не видел... там такая очередина, а я достала!

Её лицо светилось от счастья, а я не был готов разделить этого щенячьего восторга. Выюга успокоилась, нужно отправляться проверять силки. В такую погоду можно успеть добежать до третьей Тамарки. За этим ручьём настрожены ловушки на зайца. Если вовремя не забрать добычу, ей воспользуются лисы и песцы. Тогда, к чему все эти усилия, лыжные забеги на тридцать и больше километров в каждую сторону?

Кино, раз его привезли, будут показывать неделю, а то и две, а охота... тьфу! Не везёт, так не везёт! Пришлось тащиться через весь город, почти до летнего дебаркадера, в кинотеатр. Хорошо хоть, фильм интересный. Впрочем, мы его почти не видели. Лишь несколько коротеньких эпизодов, которые совсем не впечатлили, потому, что не могли по кусочкам уловить суть сценария.

Не успели выключить свет (места наши оказались почти на самой галёрке), Леночка впилась в мои губы поцелуем. Я не то, чтобы сопротивлялся, просто кругом люди. Неудобно, что они могут подумать? Но девочка вытворяла с моим языком такое...

К чёртям собачьим все на свете фильмы, когда внутри и снаружи каждая клеточка взрывается и трепещет от избытка эмоций. Через несколько минут мне было плевать на всех и на всё. Меня поднимало ввысь, швыряло из стороны в сторону, уносило туда и обратно в неведомые Вселенные.

Вот где настоящий экстрим, вот где избыточный адреналин. Инъекция гормонов в немилосердной концентрации пробудила такой силы азарт, что я готов был вступить в смертельную схватку с любым, кто посмеет нарушить ход сакрального ритуала.

Потом я провалился, затем полетел, опрокинулся навзничь, куда-то поплыл. И так весь фильм.

Было, мелькало желание остановиться хоть на мгновение, передохнуть, оглядеться, понять, что на самом деле происходит. Не было, не было ни единого шанса вернуться в реальность, пока идёт фильм, пока темно и нас почти никто не видит.

Движение происходило исключительно у меня в мозгу. На самом деле мы не сдвинулись с места. Глаза мои были закрыты. Я летал и кружился, но костлявым задом ощущал гравитацию, земную твердь. Сознание путешествовало отдельно от тела.

Когда я первый раз пробовал на вкус вино, алкоголь, в сравнении с поцелуем языками это детская шалость.

Фильм закончился, был включен свет, открыты двери на улицу. Мы ощутили чарующую прелесть свежего воздуха, его незабываемый вкус, арбузно-сладкий запах, но даже живая атмосфера, насыщенная кислородом, не могла сравниться с божественным вкусом девственного поцелуя, первого настоящего поцелуя в моей жизни.

Я едва отдышался. Лицо горело огнём, ноги и руки вибрировали, внутренности дрожали. Мне казалось, что все смотрят на меня, улыбаются, осуждающе или завистливо качают головами, смеются. Представляю, как глупо я выглядел.

Леночка пыталась заглянуть мне в глаза, забегала вперёд. Она непременно хотела знать, что чувствую, но я старательно прятал взгляд. Девочка что-то восторженно говорила, говорила. Суть слов не доходила до меня. Я всё ещё был под впечатлением.

Было так неловко. Совершеннолетний почти мужчина, второкурсник, и шестнадцатилетняя девчонка. Пусть она выглядит взрослой, пусть рельефная фигура и провокационное поведение указывают на то, что созрела, что такую нет необходимости соблазнять, но по возрасту она ребёнок. Это нужно было осмыслить, но логические умозаключения моментально выветривались из головы. Эмоции и чувства, зов плоти, оказались гораздо сильнее психологических, философских и морально этических умозаключений.

Подобного восторга, эмоционального и физического, я никогда прежде не испытывал. Даже сейчас, спустя полчаса, в моих венах не кровь, а коктейль в лошадиной концентрации природных наркотиков, которыми, по всей видимости, я бессовестно злоупотребил.

Хотелось кричать от восторга, бить себя кулаками в грудь, и плакать, словно я не цивилизованный гражданин, а первобытное животное с шерстяным покровом на всей площади тела.

А ведь, пожалуй, это ещё вопрос, кто кого совратил. Ну, Леночка, мама мия!

Нужно сказать ей что-нибудь ободряющее: как она свежа, как нежна и прекрасна. Разве в русском языке не хватает восторженных комплиментов, остроумного восхищения, эпитетов, описывающих трепетные переживания, искреннюю благодарность, ликование, радость?

Там, в клубе, она мне показалась обычной, вполне себе серой особой. Почему теперь девочка выглядит воплощением совершенства, роскошным образцом абсолютной гармонии?

Наверно, я схожу с ума, не иначе. Может сходить провериться? Как же хочется всё, что только что испытал, повторить.

Почему фильмы такие короткие?

Через неделю я забросил охоту, спорт. Если честно, учёбу тоже. Жизнь без поцелуев стала невыносимым испытанием. Я превратился в настоящего наркомана: есть доза любовного зелья, я в восторге и счастлив, Нет, хотя бы несколько часов, жизнь превращается в серьёзное испытание, в гримасу судьбы, в ехидную насмешку.

Леночка стала нужна и необходима как вода, как воздух. Без неё жизнь прекращалась. Мы целовались всё свободное время, но потребность увеличивать дозу росла быстрее. Мы могли в выходной день в пять утра убежать в тундру, а домой вернуться после полуночи.

Думаете, мы фантазировали, строили планы на будущее? Так нет, всё это время наши языки и тела соприкасались, обмениваясь немислимо мощной энергией любви. Мы поглощали дыхание и любовный сок как живительный нектар, приобретая сверхъестественную силу для новых подвигов.

Мы научились дышать носом или совсем не дышать. Поцелуи без конца и начала воспринимали как интимную близость высшего порядка, как секс языками. Разговаривать нам было некогда, да и потребности произносить ничего не значащие слова не было.

Если бы у меня спросили – какого цвета у твоей любимой глаза или волосы, пожалуй, я не смог бы ответить. Большую часть времени мои глаза были закрыты. В оставшиеся мгновения я внимательно рассматривал восхитительные губы и нос подруги. Зато детально, с массой эмоциональных и эстетических деталей, мог рассказать о вкусе и запахе любимой, о тактильных ощущениях и удивительных спонтанных реакциях организма.

Слава богу, что я не имел предварительного любовного опыта, что позволяло безболезненно переносить теснейшую близость без страха сорваться в пропасть безудержного эротического соблазна.

Потребности проникнуть в глубину пограничной зоны я не испытывал. Моя страсть была сосредоточена на территории выше пояса. Более тесных отношений мы не допускали. А вот верхнюю часть соблазнительной девичьей фигуры, Леночка мне демонстрировала довольно часто.

Как же я любил этот мягкий, покрытый детским пухом животик и ложбинку меж грудей. А теребить наливные холмики, облизывать, целовать нахально восстающие соски, стало моим призванием.

Я приступал к любимому занятию, экспериментируя так и этак, смакуя ощущения на вкус, растворяясь в эмоциях, в желании слиться.

Во время целомудренных интимных упражнений Леночка источала божественные ароматы, наполняя пространство вокруг терпкими запахами мускуса, сладостью экзотических фруктов, свежестью цветущего луга, медовым привкусом распускающихся по весне почек.

Иногда любимая закатывала глаза и стонала, возможно, соблазняла, дразнила.

В эти редкие минуты я чувствовал весь спектр цитрусового букета, ощущал горячее дыхание солнечного дня, марево цветочных благоуханий, накатывающий и убегающий прочь вкус солёного морского прибоя.

Я был исключительно с ней, а она вмещала в себя весь Мир.

Нам было настолько хорошо, что я согласен был закончить на этом земной путь. Впрочем, это лишь мимолетные мысли, блажь. Жить хотелось, даже очень. Как можно покинуть земную юдоль в минуты сладкого томления, когда пик восторга плавно переходит в мистический экстаз? Конечно, подобные мысли были несусветной глупостью.

Я не понимал, не знал, что со мной происходит. Во всяком случае, не задумывался ни разу, любовь ли это. Жизнь удалась. Это бесспорно. Она прекрасна и другой мне не нужно.

Так продолжалось до лета. После экзаменов меня направили на практику. Далеко, на острова в устье реки Печора, недалеко от Белого моря. Там мне предстояло пробыть два бесконечно долгих месяца. Представляете мою печаль, мои неподдельно скорбные ощущения, эту дикую душевную боль, ожидание ломки без любимого лакомства, без близкого человечка? Какой же я стал сладкоежка.

Леночка рыдала, заламывала в отчаянии руки. Помню момент, когда она готова была немедленно расстаться с невинностью, даже требовала, боялась потерять меня навеки.

Да, у неё действительно возникали такие нелепые мысли.

Я в подобном ключе не думал. Чувство собственника, ревность, не были мне знакомы. Я доверял своей милой девочке целиком и полностью. Как же иначе. Ведь наша любовь из числа тех, что дается однажды и навечно.

Позволить себе разрушить девственность любимого человека, не достигшего совершеннолетия, я не решился. Для меня подобный акт представлялся преступлением, кощунством. В нашей жизни не могло быть места для авантюры. Честность – вот на чём держится любовь. Мы, это мы... я поклялся дождаться её совершеннолетия.

Расставаясь, мы договорились писать письма. Каждый день по одному. Я своё обещание выполнял в полном объёме.

Первые дни послания состояли из нескольких строк. В дальнейшем я расписался, сочинял романы и повести на десятках страниц.

В деревне, где проходила практика, сообщение с внешним миром поддерживал малюсенький теплоходик, проходящий мимо раз в две недели, пристающий к дебаркадеру на несколько минут, чтобы сбросить и забрать корреспонденцию.

Первое письмо от Леночки я получил через месяц. До окончания моего пребывания на практике писем от Леночки мне доставили только три.

Информация в них была устаревшая, но вид её подчерка, запах бумаги, может это только казалось, возбуждал беспредельно. Ночью, после неоднократного прочтения романтической корреспонденции, меня неизменно посещал спонтанный сброс семени. Было ужасно стыдно. Ведь эту волшебную субстанцию я обязан был экономить для любимой. Только она имела на неё священное право.

Воображение рисовало в бессонных бдениях, как я прикасаюсь к губам, к нежному телу любимой, как ласкаю белую грудь, как она даёт мне напиток нектара из сладких губ. Фантазировать на запретную тему я не решался. Впрочем, представить то, о чём не имеешь малейшего представления, попросту невозможно, хотя услужливая впечатлительность постоянно снабжала сны красочными галлюцинациями на тему нескромной близости.

Область ниже пояса охранялась самостоятельно наложенной цензурой. Ощущения в состоянии интимного транса были настолько реальными, что просыпаясь, я испытывал не просто разочарование, возвращаясь в реальность, настоящее отчаяние. Леночка была мне необходима как свежий воздух.

Казалось, что эти бесконечные дни и часы никогда не иссякнут. Они становились резиновыми, тянулись, никак не желали заканчиваться. Шестидесят писем. Столько я их написал за два месяца. Отправить получилось только сорок. Почти все послания мы получали и вскрывали вместе уже дома. Было довольно весело. Я знал содержание, Леночка нет.

Любимая читала и перечитывала все. И плакала, потом с благодарностью целовала меня в глаза, нос и губы, заверяя, что никогда ни при каких обстоятельствах никому меня не отдаст. Я ей верил как самому себе.

Пролетела зима. Таков закон подлости: когда нам хорошо, время летит, а когда плохо – плетётся, тащится.

Мы настолько срослись губами и кожей, что теперь нас можно было разъединить лишь хирургическим путём, ампутацией, при которой гарантированно пострадают обе души и оба тела.

Всё чаще и чаще заходил разговор о свадьбе.

Леночка с энтузиазмом рисовала в альбоме фасоны свадебных нарядов, вырезала картинки, одевала картонных кукол, изображая в лицах и голосах предстоящую свадебную церемонию, детали торжества. Она была по-настоящему счастлива. Чего уж говорить обо мне.

Леночке почти восемнадцать. Ещё немного подождать и...

Окружающие давно и прочно считали нас семейной парой. Ведь мы были неразлучны. Между нами никогда не возникало ссор. Все разногласия решались сразу же на импровизированном семейном совете. Даже родители удивлялись на это небывалое для молодых согласие.

Поцелуи решали все разногласия в пользу любви и дружбы. Ну, почти все.

Слёзы иногда лились и обиды случались. Без последствий.

В конце лета, оставались две недели каникул, мне пришлось неожиданно улететь в Москву.

Нашу квартиру снимали арендаторы. Им необходимо было съехать. Кто-то должен лететь, чтобы уладить спорные вопросы. Мама взяла билет, но её непустили по целому букету объективных причин. Пришлось лететь мне.

Квартирный вопрос, раз уж я лечу настолько далеко, был дополнен необходимостью проведать бабушку с дедушкой. Это ещё неделя с хвостиком и полторы тысячи километров туда и обратно на поезде.

Две недели, пятнадцать дней я не вдыхал аромат дыхания любимой женщины, не пил нектар из священных недр. Как вытерпел – не помню. Страдал. Писать письма, теперь мы это

точно знали, бесполезно. Разве что эпистолярные упражнения освобождают от нежелательных, пессимистических мыслей.

Я сочинял послания в уме, как некогда красноармеец Сухов, главный герой фильма "Белое солнце пустыни".

Получалось смешно и одновременно грустно, но мысленный диалог реально сближал с Леночкой, сокращал время ожидания встречи.

Любимая не смогла меня встретить в аэропорту, хотя я предупредил её телеграммой. Досадно, но жизнь всегда вносит в сценарий судьбы свои коррективы.

Всякое случается.

Я летел к ней домой, не чувствуя под собой ног. Реально, на крыльях любви. По дороге из аэропорта мне встретился Вовка Дурман, какой-то загадочный, вроде как расстроенный чем-то.

Тоже бывает. Не до него мне сейчас.

Потом, всё потом.

В эту секунду, мне необходима лишь Леночка. Только её одну хочу видеть, осязать, обнять, чувствовать фибрами души.

– Не торопись. Хочу кое-что тебе показать. И рассказать.

– Глупый ты, Вовка. Мальчишка. Я к Леночке спешу. Успеешь свою новость выложить.

– А если нет, тогда как?

– Помер кто-то, потерялся? Ну, тебя!

– погоди. Сюда смотри. Внимательно смотри.

– Ну, фотография, Леночка. Почему она с солдатиком? Ладно, отвали. Кстати, откуда у тебя это?

– Тебе лучше не знать. Наверно скучала. Плакала. А он, тот, что на снимке, успокоил похоже. Высушил слезы, поделился радостью.

– Зачем ты так? Да я ей как самому себе верю. Невеста она. Моя невеста. Будто не знаешь.

– Знаю. Потому и не молчу. Было у них. Валерка Мартынов видел, как кувыркались у озера. Он туда за грибами бегал, случайно подглядел. Короче, я тебя предупредил. А там – как знаешь. Любовь, она такая непредсказуемая. Простишь, а я потом крайним буду. Я бы не простил.

– Скажи, зачем, для чего ты мне в душу плюнул? Я ведь тебя другом считал.

– Я и есть друг. Хочешь, можешь врезать, если оттого легче станет. Но это правда. Держись. И решай сам. Так я пошёл?

– Вали. Вали отсюда, да подальше! Зашибу ненароком.

– Потом поговорим, когда остынешь.

Я стоял, огорошенный, униженный, опустошённый. Совсем пустой, словно воздушный шарик, из которого вышла последняя капля воздуха.

Сдулся. Осталась лишь оболочка, ставшая бесполезной и ненужной.

Дома меня ждали безмолвные родители. Они прятали глаза, даже не стали здороваться. Значит и им что-то известно.

Вот такая она хрупкая и беззащитная первая любовь. Бережёшь непорочность невесты как хрустальную снежинку, боишься надломить, а некто случайный, походя, уронит, даже не заметив, что уничтожил драгоценность. Какое ему дело до чьих-то душевных мук, глубинных интимных переживаний.

Две недели. Всего две недели! А ведь это не то же самое, что целая жизнь.

Кто знает – возможно, мне повезло.

Возраст потерь

*Гаснет музыка заката,
Тонкий звук её – как стебель.
Летний день ушёл куда-то,
Может – в быль,
А может – в небыль.
Я забыл – какая жалость! -
Луг, где нас связала тайна.
Где – я знаю, не случайно –
Ты щекой ко мне прижалась.
Вадим Хавин*

– Отчего все так настойчиво, упорно ищут стабильности в отношениях, в быту, выдумывают разного рода ритуалы, обязательные действия, смысл которых давно забыт или вовсе непонятен, – раздражённо, не желая выныривать из сумеречного состояния, наполненного нереализованными мечтами, думала Вероника, погружённая на краткий миг в состояние иллюзорного приключения.

Она приходила домой раньше мужа и дочери, потому располагала приятной возможностью, прежде чем приняться за рутинную прозу семейных будней, насладиться безмолвным одиночеством, украшенным неким подобием медитации.

Женщина скидывала с себя одежду до последней ниточки, несколько минут неистово выплёскивала эмоции в танцевальном экспромте, затем увлечённо ублажала весьма восприимчивое к ласкам тело под горячими струями в душе, растиралась, заворачивалась в махровую простыню, расслабленно вытягивала отяжелевшие от восьмичасового стояния ноги, чтобы немного забыться.

Рабочий день в салоне красоты, где она работала, начинался в шесть утра.

Роскошным, по большей части по их собственному мнению, леди, непременно необходимо было придать привлекательность и неотразимый шарм до момента, когда их внешность начнут оценивать публично. Очарование их наружности было рукотворным, обманчивым.

Клиентки по большей части раздражительны, вспыльчивы. Ублажить каждую – особое искусство, требующее немалого напряжения. Сноровки, мастерства и терпения едва хватало до завершения смены.

Переступая порог квартиры, Вероника буквально валилась с ног.

Необходима хоть небольшая, но пауза, чтобы остановить ускорение времени, потраченного на вздорных клиенток, отключить головокружительное вращение событий не своей жизни. Не так просто ослабить неимоверно утомляющие силовые поля их неукротимых потребностей, постоянно рождающих новые проблемы, бурных потоков негативных энергий и выкручивающего все без исключения суставы действия земной гравитации.

Как мечтала Вероника иметь вот это вот всё – собственную отдельную квартиру, созданный своими руками комфортный уют, налаженный до мелочей распорядок дня, в котором есть время и место для себя, любимого мужчину рядом, вселяющее безотчётную радость детское присутствие.

Когда она успела устать от счастливой семейной жизни, от быта, когда!

– Ещё минуточку... нет, пять минут абсолютного покоя. Хорошо-то как! Разобрать сумки, приготовить ужин, пропылесосить...

Проваливаясь в сон, Вероника методично совершала рутинные хозяйственные действия, но в довольно необычной обстановке: вокруг расстился пляж с горячим песком, на берег раз-

меренно набегала прибойная волна, ослепительно блестела вода, пронзительно кричали чайки, отчаянно ныла обгоревшая на солнцепёке кожа.

Красочные живые ассоциации всплывали одна за другой. Опять вспомнила мальчишку, просветившего относительно правил загара, который намазал ноющую кожу заживляющим кремом, заставил одеться и все десять дней незабываемого отдыха не отходил ни на шаг.

У него были особенной чистоты серые лучистые глаза, дружелюбный улыбчивый взгляд, завораживающий голос, и удивительно нежные руки.

Егор, так его звали, до последнего дня не решился обнять, поцеловать, как-либо выразить захлестнувшие его чувства, оживляющие общение. Он просто был рядом, о чём-то непрерывно рассказывал, лечил бальзамом болезненные ожоги и зачарованно наблюдал за каждым её движением.

Теперь, после стольких лет семейной жизни, Вероника сожалела о не случившемся, пыталась представить, как могла сложиться жизнь, будь парнишка более решительным.

Никита и представить не мог, что переселение из средней полосы в чудесный приморский город произошло отнюдь не оттого, что это ему пришла в голову подобная плодотворная мысль.

Вероника бредила и грезила, вспоминая первый в своей жизни отпуск, и того, кто разбудил её дремавшую женственность.

Это она внушила супругу любовь к морю, она направила ход мыслей, побудила действовать.

Кажется, это был брак по любви. Во всяком случае, неукротимо кипящие страсти долго-долго не давали прийти в себя от неукротимого чувственного азарта и неистового возбуждения.

Что-то важное, цементирующее чувства, сломалось неожиданно и вдруг, хотя обнаружить причинно-следственную связь не удалось. Кончилась любовь и всё тут.

“День ушёл, и нет возврата, но, как слайд, осталось чётко – нашей юности утрата, нашей памяти находка”, – вертелась у Вероники в голове строчка из однажды услышанного романтического стихотворения, отражающего суть трепетно-греховного томления.

Она обожала мужа, обмирала от его ласк.

Прежде.

Удивительное было время, неповторимое, диковинное. Количество счастья на единицу времени не поддавалось подсчёту и осмыслению: его было очень-очень много, столько, что не умещалось в одном теле. Чем больше тепла и радости Вероника отдавала любимому, тем больше получала обратно.

Теперь же она запросто могла расплакаться оттого, что так и не познала вкус поцелуя того замечательного мальчишки.

– Глупая, – корила она себя, – это было такое настоящее счастье, такое волшебное. А ты... глупая ты, глупая!

Потребность реализовать опрометчиво утраченное наслаждение, призрачно-блаженную возможность изменить судьбу, медленно, но верно, превращалась в одержимость.

Вот и сегодня Вероника грезила, явственно чувствуя на губах вкус девственного поцелуя, приятно резонирующие вибрации, нарастающий гул прибоя, предвкушение некоего почти состоявшегося чуда.

Сладость волнительного момента нарастала, переполняя наслаждением. Ещё мгновение и чудо свершится!

Из сладкой иллюзии её внезапно вырвала совсем некстати прозвучавшая фраза и несанкционированное прикосновение к щеке, – солнышко опять утомилось. Мамочка, любимочка наша, вставай пришёл.

Веронику трясло от прерванного некстати возбуждения. Возвращаться в постылую реальность, не было желания.

- Можно без меня? Хочу спать, не могу проснуться.
- У нас сюрприз. С днём рождения, любимая!
- Гостиная была залита светом, стол накрыт деликатесами, украшен цветами.
- Как она могла забыть!
- Ощущение праздника не приходило. Дочь это сразу почувствовала.
- Мамуль, Васька меня на танцы зовёт, можно, без меня справитесь?
- В десять чтобы дома была.
- Ты самая лучшая мамусенька на свете. Я тебя обожаю!
- Отвернись, Никита, дай одеться.
- Ты чего, Никусь, разве я чего-то ещё не видел, – обиделся муж.
- Поссориться хочешь!
- Напротив, настроен на мирный диалог, на романтическое, в какой-то мере игривое настроение.
- Лучше бы на ремонт настроился. Обои вон отклеиваются. Ешь один, у меня аппетита нет.
- Что-то не так, родная, мы готовились.
- Всё так. Устала я, смертельно устала. Спать хочу
- Понял, – полез целоваться Никита, – самый лучший специалист по расслаблению престлестниц к твоим услугам. Безвозмездно. То есть совсем даром.
- Остынь, Ромео. Нет настроения, нет обстановки, не вижу морковки...
- Есть морковка. Сла-а-день-кая! Мы с Дашулей платье тебе купили. Шикарное! И туфельки. Те самые, что неделю назад примеряли. Они ведь тебе понравились.
- Спасибо, Никита. Я... правда рада, мне всё нравится, но...
- Рекламации и претензии после примерки и тоста.
- Вероника сама не могла понять, что с ней происходит. Раздражение захлёстывало, требовало немедленного выхода.
- Можно хоть раз в жизни оставить меня в покое, – вспыхнула она.
- Извини... я это... в гараж что ли тогда пойду, чтобы не нарваться.
- Вот туда и иди, целее будешь!
- Объясни, что происходит! Чем я заслужил...
- Просто уйди.
- У тебя кто-то есть? До климакса вроде далеко. Живи – радуйся. Ведёшь себя как капризный ребёнок, устраиваешь истерики на пустом месте. Фу, какая ты некрасивая в такие моменты.
- Давай, давай... наговори ещё гадостей... про родителей что-нибудь скверное скажи. Да, есть у меня любовник... молодой, симпатичный, не чета тебе. И что с того!!! Ну, ударь меня, ударь, получи удовольствие!
- Можно подумать, я бешеное животное, а ты беззащитная жертва семейного террора. Положим, я тебе поверил. Левый поворот, возрастной кризис, крушение радужных иллюзий. Есть повод, во всяком случае, так тебе кажется. Хочется найти виноватого... в том, что жизнь не похожа на сказку. Лучший способ наказать обидчика – интимная месть.
- Предлагаю поставить на прошлом жирную точку, начать с неё отсчёт иных, более зрелых супружеских отношений.
- Обоснуй своё поведение, предъяви объективные претензии, если таковые назрели. Обсудим, набросаем проект приемлемого, удобного для всех нас сторон семейного кодекса.
- Нельзя замыкаться в себе, накручивать психику, страдать молча. Нужно взаимодействовать, медленными шагами двигаться вперёд.
- Никусь, может, купиреуем назревающий непонятно на каких основаниях локальный конфликт, отменим едва не начавшуюся дуэль. Я ведь на самом деле тебя люблю! Честно-честно.

Вероника расплакалась, – почему так-то, ну, почему! Мы с тобой стали совсем чужими. Ты даже ревновать меня не желаешь. Мне скучно с тобой, Лобанов. И с собой тоже.

– Мы все родом из детства... где на удивление цветной, объёмный, яркий-яркий антураж, где волшебные звуки и манящие запахи, где постоянно происходили изумительные события, о существовании которых мы даже не догадывались. Каждый миг – приключение, каждое движение – открытие.

Но так не может продолжаться вечно, пойми, родная. Рано или поздно таинственные и волнующие сюжеты становятся обыденными, привычными, замысленными. Отсюда меланхолия, скука. Плюс социальные ограничения и утомительные обязанности.

А ведь хочется пьянящего чувства свободы, исполнения заветных желаний, приятных сюрпризов, праздничного салюта. Вот мы и грезим. Напридумаем всякой-разной чувственной экзотики и смакуем, рассчитывая в иллюзиях на необоснованное, незаслуженное счастье.

Жизнь – процесс динамичный... и беспощадный. Шанса исправить ошибки, ведь без них никак, создатели не предусмотрели. Шаг – выбор, шаг – выбор. И неминуемые последствия.

Добро пожаловать во взрослую жизнь! Думаешь, мне легко и просто? Так ведь тоже нет. У меня тараканов в голове больше, чем муравьёв в муравейнике. Предполагаю, что тебя, ведь это возраст потерь, мучает, извини за откровенность, вопрос – а тому ли я дала.

– Какое тебе дело до того, чем я в мечтах развлекаюсь, чего ты в мозгах у меня копаешься! Без того мутрно.

– Живу я здесь, Вероника Андреевна, одной с тобой жизнью. И судьба у нас общая. У меня о том официальная справка имеется, штамп в паспорте стоит, колечко заветное на пальчике сверкает. Не умеешь ты врать, болезная. Не изменяла ты мне... никогда. Да пусть даже и так. Если есть у тебя такая мечта, такая необходимость. Я и это пойму.

– А ты, ты... изменял?

– Сама-то как думаешь?

– Вот ты и прокололся. Вопросом на вопрос отвечают, когда есть, чего скрывать. Так и знала!

– Что тебя терзает, что гложет, поделись. Мы же семья. Или... давай помечтаем. Неужели нам ничего не хочется, кроме того, что уже имеем? А память... столько всего замечательного произошло.

– Ты же приземлённый, скучный. О чём с тобой говорить, о чём мечтать!

– О красоте, о любви, о жизни. Помнишь тот день, когда мы познакомились?

– День как день. Ничего особенного. Ты мне на ногу в автобусе наступил.

– Вот именно! А ты дёрнулась и каблук сломала. Пришлось до сапожной мастерской на руках тебя нести.

– Больно хотелось.

– Мне казалось, ты была счастлива, обнимала-то по-настоящему. Глаза отворачивала, дышала через раз, но ведь не сопротивлялась. У меня поджилки от блаженства тряслись. От тебя пахло... мандаринами что ли. И чем-то особенным, отчего голова кружится. Я так сразу влюбился... а ты?

– Мне, если честно, хотелось тебя загрызть.

– Странно. А щекой зачем тёрлась?

– Откуда мне знать. Нечаянно. Я про тебя и не думала совсем. Каблук было жалко.

– Ну да, ну да... про каблук, конечно, про что же ещё. Кстати, мы его по пути благополучно посеяли. Пришлось такси ловить, деньги у соседей стрелять, чтобы с водителем расплатиться. А вечером у нас было свидание. Малиновый закат, пустынная набережная, первый поцелуй. Помнишь! Ты так потешно сжимала губы, зачем-то закрыла глаза.

– Ничего интересного. Обслюнявил всю. Мне потом от мамы влетело за то, что поздно пришла. За туфли тоже.

– Я был на седьмом небе от счастья. Нет, на десятом. Я и сейчас... давай поцелуемся... как тогда.

– Вот ещё! Не заслужил.

– А ты глаза закрой. У нас ведь свидание. Лунная дорожка дрожит на зыбкой воде. Ты, я, светляки, цикады, звёзды. Вкусно!

Вероника ни с того, ни с сего расплакалась.

– Такого никогда больше не будет. Возраст. Я почти старуха.

Никита бережно поднял жену, завернутую в плед, усадил на колени, поцеловал.

– Чего ты на самом деле, именинница. Всё ты придумала. Любимая!

– Ну-ну, Лобанов, не дети уже, чтобы вот так, в кресле. Дашка может вернуться. Срамота-то какая.

– Это ты брось. У меня и моей жены сегодня праздник. Разврата хочу, наслаждения, страсти. Хватит скрывать свои достоинства. Боже, какая ты у меня красивая... какая юная. Как тогда.

Безотказная

*Хватает за душу, до воя,
Тепла июльского уродство,
Где мы вдвоем идём с тобою
Под незаметным руководством
Судьбы, амуровых делишек.
Накрапывает мелкий дождик.
Ты нарождаешь мне мальчишек,
Девчонок, ясный перец, тоже.
Ну а потом, перед полётом
На небеса в ракетах красных
В промозглой парка позолоте
Ты скажешь мне: «Всё было классно!»
Игорь Вавилов*

Катька была безотказной почти во всём, слабохарактерной.

Изворотливостью, коварством, изобретательностью и хитростью она не обладала – некому было научить жить в быстро меняющемся, агрессивном и жестоком мире.

Росла девочка, как сорная трава: изо всех сил за любую возможность выжить цеплялась всем, чем только можно.

Науку самосохранения она познавала не от учителей, от самой жизни, которую даже с натяжкой невозможно считать счастливой. Пучки ела, лебеду, крапиву с одуванчиками, гнилые овощи и фрукты с рынка, которые даже за половину цены не смогли продать хозяева. Часто вообще голодала по несколько дней. Сколько раз в подъезде ночевала, когда пьяная мать, забыв о её существовании, запиралась в квартире изнутри. Одевалась по большей части в чужие обноски, которые отдавали ей сердобольные люди.

Она не роптала. С десяти лет девочка начала подрабатывать на продуктовом рынке. Овощи перебирала, раскладывала товар. Сэкономленные деньги в стеклянной банке в подвале многоэтажного дома закапывала, чтобы мать ненароком не пропила.

Катин отец так ни разу за всё время и не объявился. Она бы нисколько не удивилась, узнай, что зачата от святого духа. Сколько раз мамашу спрашивала, каким образом в животике у неё очутилась. Ответа не услышала.

Впрочем, это не удивительно – у неё каждую неделю по несколько раз мужа менялись.

Непутёвую родительницу Катька жалела, по возможности подкармливала, кое-что из одежды, например – нижнее бельё, на скудные заработки покупала. Какая никакая – мать. Жизнь дала всё-таки, да и на улице не бросила, не дала сгинуть.

Правда, заботилась родительница о ней, кто бы знал – как, совсем в другой жизни, которая промчалась как один день – даже вспомнить толком не о чем.

Пять лет прошло, как схоронила её Катерина.

Выучиться девочке толком не удалось. Нужно было на хлеб зарабатывать, одеваться во что-то. Хорошо хоть угол свой. Две комнаты, что от мамы в наследство остались, Катька сдаёт, сама угол в общежитии снимает.

Теперь-то она обжилась: диван купила, стиральную машину, холодильник. Конечно, не новое, с рук брала, но ведь гожее ещё. Приоделась, хоть как-то прикрыла тщедушную худобу. Краситься научилась. Безвкусно, конечно, грубо, но, хоть какая-то яркость в невзрачном облике. Причёску раз в месяц делает. Деньги копит. О любви мечтает, грезит настоящую свадьбу когда-нибудь справить.

По выходным бегаёт смотреть на счастливых женихов и невест.

Жизнь, можно сказать наладилась. С рынка Катька так и не ушла – прижилась. Грузит, разгружает, мясо рубит, бакалею фасует, иногда продавцов подменяет. Ей все доверяют, но деньгами обманывают. На то она и безотказная.

Без дела Катька почти не сидит. С утра до вечера – то одно задание выполняет, то другое. Сегодня с подругой с утра фуру с арбузами корейцам разгружала, потом две машины с бакалеей, только что рефрижератор с мороженой рыбой. Устала насмерть.

Верка, её напарница, прямо на мешках заснула, хотя старше, сноровка у неё, и сил куда больше – на зоне мышцу накачала.

В Катьке, пигалице, дай бог метр пятьдесят роста будет, и килограммов сорок вес. Как выдерживает такую работу, непонятно.

Освободившись от трудов, получив скудную копеечку, девчонка купила палку колбасы, две буханки хлеба, бутылку самогона и блок сигарет. Помидоры и лук так взяли, в счёт оплаты. Без курева и выпивки разве выдержишь такую напряжённую жизнь!

Верка обрадовалась, проснулась мигом.

Захмелели разом, после первого глотка. Подняв настроение, шёпотом запели.

Хорошо!

Напарница так уморилась за день, что отрубилась прямо в подсобке, не успев последний стакан допить. Катька не обиделась, – такие люди нам нужны. Мне больше достанется.

Она давно научилась пить, не пьянея. Скажи сейчас Катьке, что машина с мясом или пивом пришла, побежит разгружать: деньги лишними не бывают. За это её и держат, что работать может сутки напролёт, и никогда за цену не торгуется: сколько дадут – столько и ладно. Всё одно крохи остаются, чтобы на свадьбу отложить.

Такие минуты, когда ничего не нужно делать, а деньги есть, Катька очень любит. Заберётся в самый дальний угол склада, ляжет на мешки или ящики, глаза прикроет и мечтает.

О чём может мечтать одинокая девчужка в девятнадцать лет? Понятно, о любви.

Иногда ей доводится прочитать что-либо на эту животрепещущую тему.

Катька лежит и представляет себя Кети, как Скарлетт О'Хара из романа “Унесённые ветром”. Из всех героинь эта женщина кажется ей ближе всех. Героине тоже пришлось не сладко. Да и зовут её похоже.

Катька-Кети как наяву видела себя в изысканных одеяниях того романтического времени, богатую и счастливую. Фантазии ей было не занимать. Она представляла себя блистающей в высшем свете дамой, умеющей за себя постоять, знающей себе цену юной красоткой.

Когда её изобретательность начинала буксовать, Катька вновь и вновь перечитывала книгу. Многие моменты девочка помнила наизусть, иногда настолько входила в образ, что начинала разговаривать фразами героини.

Женщины над ней подтрунивали. Зато мужики восхищались, но не умом и памятью, а Катькиными начинавшимися проявляться женскими формами. Парни тоже шептались, показывая на девушку пальцами, тайком мечтая о её благосклонности, которую понимали по большей части превратно.

Иногда Катьке дарили цветы и конфеты, просто так, ни за что. Порой приглашали в кино. Но чаще пытались зажать меж пыльных мешков и коровьих туш, ущипнуть за зад, нагло залезть под юбку.

Тщетно. Она была непреклонна относительно интимных отношений – исключала и пресекала любые поползновения на свою честь.

Это было тем более странно, что девственности Катька лишилась ещё в пятнадцать лет. Её единственным мужчиной был Витька Копылов, старшеклассник, сосед по подъезду.

Быть его подружкой мечтали чуть не половина девчонок в школе. Высокорослый стройный юноша имел атлетическую фигуру, пропорциональное мужественное лицо с игривой ямочкой на подбородке и удивительно выразительные глаза, которым нельзя было не верить.

Не влюбиться в такого мальчишку было попросту невозможно. Удивительно, что Витька выбрал именно её, Катьку.

Витька рядом с ней казался гигантом. Несмотря на разницу в социальном положении, и её кричащей бедности, Витька привязался к девочке всей душой.

Не оценить этот необъяснимый факт она не могла.

Ребята были вместе до окончания Витькой школы.

Потом дружок уехал в областной город поступать в институт, родители его тоже куда-то переехали. Найти следы любимого Катьке не удалось. След его потерялся окончательно.

Катька горевала, но не очень долго. Не до этого ей тогда было. А помнить – помнила.

Разве можно забыть такую любовь!

Витька ведь единственным был, кто с ней по-человечески обращался.

Мечтая в тишине, девушка представляла именно его сказочным персонажем, которого посылали ей грёзы. Не могла она предать те единственные в своей неприкаянной жизни настоящие чувства, никак не могла.

Однажды её завалил на мешках татарин гигантского роста – Ринат Акчурин, владелец двух десятков торговых мест. Катька отбивалась от насильника насмерть.

На его прокушенной насквозь щеке на вечную память остался грубый след от её зубов.

Теперь мужчина сам Катьку защищает от непрощенных любовников, а тогда чуть голову не оторвал, настолько взбесился от обиды и злости.

Катька вытащила из Веркиного кармана деньги, зная повадки рыночных работяг, чтобы не стащили ненароком. У напарницы дома парализованная мать и сын – инвалид с детства. У неё каждая копейка на счету.

Катьке женщина доверяет, сразу смекнёт, что к чему.

Сегодня должны прийти под разгрузку ещё две машины, но работать совсем не хочется. И без того неплохо заплатили. По-хорошему, можно было бы неделю дома сидеть.

Катька переделалась в чистое, пошла домой, всё ещё находясь под впечатлением большой мечты. Так и брела, пока не разбудил визг тормозов едва не сбившей её машины.

Катерина даже испугаться толком не успела, как из раздолбанной шестёрки выскочил огромный бородатый мужик.

Девушка встала в защитную позицию, предполагая, что придётся дать отпор. Мозг лихорадочно намечал план немедленных действий, – коленом между ног, головой в подбородок, – иначе уроет. И бежать... бежать без оглядки, пока не очухался.

– Катька, господи, это же ты, – обрадованным басом прогудел бородатый здоровяк, – неужели не узнала! Витька я, Витька Копылов. Я же искал тебя. Квартиранты сказали, что за полгода авансом с тобой рассчитались, где живёшь – понятия не имеют.

– Искал-то зачем! Исчез на четыре года, ни слуху, ни духу. Зачем я так срочно тебе понадобилась, – недовольно буркнула Катька, которую так некстати отвлекли от приятных мыслей.

– Катька, моя Катька! Да садись скорее, пока нас менты не загребли. Отъедем, расскажу всё по порядку. Поехали уже, голова садовая. Идёт, по сторонам не глядит. Я грешным делом подумал, что ты счёты с жизнью свести собралась.

– Ага, так я тебе и поверила. Сейчас сяду, а ты... езжай уже, нечего лапшу на уши вешать. Наша с тобой любовь быльём поросла, даже воспоминаний не осталось.

А у самой ноги тряслись, в животе всё перевернулось и голова кругом пошла.

Не знать дружка, не узнать. Мужик!

Катька, как была пигалицей, так и осталась. Ей до сих пор никто не верил, когда говорила, что совершеннолетняя. А он – косая сажень в плечах, улыбка шире плеч. Смотреть на него пришлось снизу вверх. Да и поймать его взгляд было отчего-то страшно.

– Да люблю я тебя, дурочка. Помню и люблю.

– Чего тогда душой кличешь! Кажется, ничего я тебе не должна. Поезжай с миром. Разошлись наши пути-дороженьки. Раньше нужно было искать, когда я одна на всём свете осталась, когда поддержать некому было.

– Не мог я раньше, Катюха, не мог. Христом Богом прошу – садись. Не вынуждай сильничать. Я ведь не отступлюсь.

– А ты попробуй. Не таких лихачей обламывала. Ринат покруче тебя будет, так и он не одолел.

– Ну, чего ты, право слово. Сказал же, люблю. Ты у меня первая, ты и последняя.

– А бороду какого лешего наклеил, от закона бегаешь, ментов чего боишься!

– Никого я не боюсь. Тебя потерять лишний раз не хочу, а борода – потом расскажу.

– Ладно, поверю. Поехали. Но знай – силой меня не взять. Меня веерка таким штучкам выучила – любого злодея могу на колени поставить.

– А как ты разбойника от хорошего человека отличаешь. Вот я, например, опасный, или нет?

– Странный ты! Не по себе мне рядом с тобой садиться. Только любопытная я.

Машину отогнали до ближайшего скверика. Остановились.

У Катюшки сердце из груди выскакивает, поверить не может, что Витька и есть Витька. Да не нужен ей никакой Ретт Батлер, будь он трижды миллионер. Только о Витьке девушка и мечтала долгие годы. Только о нём одном.

– Ну, рассказывай, коли грозился, отчего тогда бросил, а теперь вдруг вспомнил, – грубовато, больше, чтобы себя успокоить, провоцировала она старого друга.

– Соври чего-нибудь правдоподобное, чтобы разжалобить.

– Как на духу, Катенька. Всё расскажу. Только скажи сначала – ты меня хоть немножечко любишь!

– Сначала байки хочу послушать, тогда поговорим.

– Ну, скажи, не томи! Я ведь почему до сих пор жив – о тебе помнил, каждую ночь с тобой разговаривал.

– С чего бы мне в тебя влюбляться! Витьку Копылова любила, а тебя... тебя не знаю. Может ты не тот, за кого себя выдаёшь. На Витьку ты совсем не похож.

– Побреюсь – узнаешь. Я себе зарок дал – не бриться, пока тебя не найду.

– Бреешься. Вот провалиться мне на этом месте – бреешься. Ко мне ещё и не так клеились. Дальше ври.

– Зуб даю. Я ведь никуда в тот раз не поступил, а родителям сказать боялся. Получил повестку в армию и сбежал. Около года на севере бичевал, чтобы не призвали. Тебе не писал, потому, что боялся, что военкомат по писульке съест. Потом устал скрываться, сам пришёл на призывной пункт. Из учебки меня отправили в Эфиопию в составе ограниченного контингента группы войск, как бы на помощь братскому народу.

– Сказки рассказываешь. И чего ты там делал, в той Эфиопии?

– Как что – воевал. Не представляешь – сколько там нашего брата полегло, сгинуло.

Витька скинул рубашку. На плече и груди были круглые шрамы, – пулёмётная очередь. Еле выходили.

У Катюшки на глаза навернулись слёзы. Она прижалась губами к ранам и заплакала.

– А потом... потом, – захлёбываясь слезами, спросила она.

– Потом реанимация, реабилитация, куча операций, больничная койка. Письма из-за границы писать не разрешали. Нас ведь там как бы и не было. У меня в военном билете место службы – Рязань.

– А теперь... теперь ты куда?

– К тебе, Катюха, к тебе, родная. Вот, глянь, – Витька достал из внутреннего кармана колечко, – примерь, должно подойти. Какая же ты красивая стала. Работаешь, учишься?

- На рынке тружусь... грузчиком.
- Кем-кем! То-то я смотрю, от тебя перегаром пахнет. Мамочки родные, это же я во всём виноват! Всё, теперь твоё дело отдыхать.
- Разве я что-то пообещала! Ну, слеза выкатилась, что с того. Я же как-никак девочка.
- Ты же кольцо примерила, грудь целовала... плакала... и вообще. Не морочь голову, Катька, давай лучше поцелуемся. У меня от твоего родного запаха крышу сносит.
- Вот ещё, пока бороду не сбреешь, пока не пойму, что это ты, даже думать не смей. Жить-то где собираешься?
- Само знамо – у жены. Мы же с тобой сколько лет как повенчаны.
- Что-то не припомню такого мужа... и под венец не ходила.
- Так я напомню. Ты же мне самая родная. Ладно, не трепыхайся, я не в претензии. Дурак был, с этим не поспоришь. Это же надо было придумать – от любви на край света свалить. Поехали обновки тебе покупать. У меня денег полно, на всё хватит. Где теперь у вас шмотками торгуют?
- Какие покупки, сказала же – пока не побреешься, пока не признаю – ко мне не подходи. А сама припала к бородачу, зарылась у него подмышкой, и ревёт. Кажется, в этот миг она была по-настоящему счастлива. Мечтать расхотелось сразу.
- Витька, мой Витька. А это точно ты, не обманываешь?
- Вот же я, трогай. Можешь документы проверить.

Дурёха

*Покупаю вакцину от чувств – и внутри не болит,
Только изредка щемит в груди, не давая забытья,
И бесстыжее раздета весною душа-инвалид...*

Ей замёрзнуть не страшно...

Намного страшнее влюбиться...

Только твоя девочка

Знаете, что такое настоящая, выкручивающая из живого тела суставы души тоска-кручина?

Фёдор Михайлович тоже до поры не знал и вот...

– Дурёха, право слово, это как, это почему? Я же тебя... можно сказать первый раз за всю жизнь по-настоящему влюбился. Ну и что, что мне пятьдесят три, а тебе вдвое меньше, девочка моя. Ага, моя... держи карман шире. К экстрасенсу сходить, в церковь? Свечку поставлю, помолюсь, глядишь услышит Создатель, мать его ети... если существует нечто подобное в природе. Где ты, любовь моя!

Мужчина был безутешен, потерял настолько, что подчинённые стали поговаривать о том, что босс по всей видимости стал вдовцом. Кто-то из активистов бегал по этажам со списком – кто сколько готов пожертвовать на печальную церемонию.

Слухи расплзались, множились. Люди прятали от начальника глаза.

Все в компании знали, что Фёдор Михайлович – отменный семьянин, каких поискать, что Ильза Викентьевна для него – свет в окошке.

Начало печальных событий было положено в обычной командировке.

Заканчивался формальный срок действия контракта на поставку комплектующих для сборки пылесосов. Нужно было обновить договор.

Можно было послать одного из замов, но захотелось развеяться, хоть на несколько дней отойти от монотонных будней, от постоянного нервного напряжения.

Фёдор Михайлович даже от водителя отказался, сам сел за руль.

Никаких планов строить не было желания. Если честно, он просто хотел отдохнуть ото всех и выспаться.

Рулить делами фирмы был приказом назначен Веретенников, единственный по-настоящему преданный человек, но даже ему была озвучена завуалированная версия переговоров.

Телефон был отключен, жена и зам заранее предупреждены, что переговоры будут ответственными и сложными, что лучше его не беспокоить.

В живописном пригороде был с соблюдением мер секретности снят на неделю уютный домик, где его никто не сможет отвлечь от созерцания природы и чтения, на что в реальной жизни не оставалось ни сил, ни времени.

Вопрос с поставщиками был предложением для поездки, но его тоже необходимо было решить, с чего и начался побег от самого себя.

– Верочка, – позвал директор завода невзрачную как моль, чересчур серьёзную молоденькую секретаршу, – возьмите документацию, подготовьте договор. Меня ни для кого нет. И кофейку, кофейку нам, милейшая.

– Константин Андреич, где вы выкопали такую “очаровашку” с печальными глазами? Неужто жена выбирала, чтобы соблазнить было нечем, – хихикнул посетитель, намекая на известное всем пристрастие собеседника к слабому полу.

– Не скажите, Фёдор Михалыч, Верочка – такая умница, такая очаровашка. Достоинств у неё немерено. Если бы она не была моей сотрудницей... женщина-огонь, честное слово, на

скаку кого угодно остановит. Сражает наповал. Работает, учится, прыгает с парашютом, сплавляется на байдарке по горным рекам. Когда всё успевает?

– Ладно, не суть важно. У меня просьба. Обеспечь алиби на неделю, чтобы комар носа не подточил. Что-нибудь предельно правдоподобное.

– Понимаю, понимаю, дружище, – сам, бывало, грешил. О, женщины!

– Ты не так понял. Зря возбудился. Хочу уединиться, помечтать, покопаться в памяти.

– Одобряю. Самому всё обрыдло. Но подружка не может помешать. Могу поспособствовать.

– Не стоит.

– Не стОит или не стоИт? Шучу. Какие наши годы. Хотя... у меня реально уже два внука. Верочка, у тебя всё готово?

Контракт оформили мимоходом. Выпить за дружбу Фёдор отказался, сославшись на то, что за рулём, а вину за нелюбезное мнение о Верочке, хотя она о нём даже не догадывалась, решил заглядеть, чтобы совесть не мучила.

В портфеле нашлась пара совсем не дешёвых безделушек, подаренных некогда компаньонами по бизнесу для супруги, но так и не нашедших применения. Ими и отдарился, поблагодарив девушку за профессионализм и исполнительность.

– Вы, Верочка, прелесть! Был бы немного моложе – пригласил бы на свидание. Благодарю!

Девушка приняла подарки с восторгом: бижутерию тут же примерила, брызнула на тонкое запястье духами.

– Восхитительный букет, Фёдор Михайлович. У меня тоже кое-что для вас есть. Ароматизатор для автомобиля. Авторский дизайн флакона. Не поверите, моделью для эскиза была я.

– Именно в таком неожиданном виде? Не жалко расставаться с шедевром?

– Все нет. Наброски были сделаны на пляже. Художник был очарован моей фигурой.

– О, да! Судя по формам – было чем восторгаться. Позвольте откланяться. Масса, знаете ли, дел.

– Понимаю.

Фёдор Михайлович вышел на свет, зажмурился: романтическая неделя одиночества началась.

Он чувствовал себя счастливым.

Покрутив в руках подарок, Фёдор многозначительно ухмыльнулся, сунул статуэтку в бардачок, – достоинств у девочки действительно хватает. Пусть даже художник приукрасил. “Где мои семнадцать лет...”

Заселившись в арендованный домик на берегу живописного озера, мужчина достал из багажа бестселлер, занимательный триллер, обещавший путешествие в молодость, в благодатные времена романтической молодости.

Прочитать удалось с десяток страниц, когда раздался звонок телефона.

Фёдор поморщился, но посмотрел на экран, где высветился незнакомый номер.

Немедленно был дан отбой. Захотелось совсем выключить аппарат, но привычка – вторая натура: без связи он чувствовал себя неуютно.

Звонок возобновился.

– Мне некогда. перезвоните позже.

– Не бросайте трубку, Фёдор Михайлович, – прозвучал смутно знакомый весьма приятный женский голос, – это Вера, референт и секретарь Константина Андреевича.

– Говорите.

– Вы забыли папку с документами.

– С какими ещё документами... договор? Ах, да. Я про него даже не вспомнил. Обрадовался свободе. Оставьте пока у себя. Заеду позже.

- Но здесь ваш паспорт. Права и всё такое. Вы ещё не уехали?
- Бред, как права могли оказаться... ах, да, точно. Рассеянный с улицы Басейной. Не могли бы вы привезти злополучную папку? Такси оплачу. Моральные издержки компенсирую.
- Диктуйте адрес.
- Через час Вера приехала в уединённую обитель.
- Не откажите отужинать со мной. Право, так неудобно получилось.
- Ну что же, пожалуй, соглашусь. Здесь так мило. Вековые сосны, хвойный воздух, цветы, озеро.
- Да-да. Стоит протянуть руку с орехами, как со всей округи сбегутся белки. Совсем ручные создания. С веранды видно лебедей. Здесь действительно мило. Я долго выбирал уединённую обитель. Сейчас отпущу водителя, закажу чего-нибудь вкусненькое. Какие блюда предпочитаете, что любите? Не обидитесь, если на столе будет вино?
- Вы один здесь живёте?
- Абсолютно один. Мечтал несколько лет убежать от всех сразу.
- И тут я... уничтожила нечестивым присутствием мечту. Извините! Вот ваши документы. Поеду, пожалуй.
- Нет-нет. От вас я не предполагал убежать, поскольку мы даже незнакомы. Весьма признателен за заботу. Представляю, если бы меня остановили по пути. Так мило с вашей стороны.
- У Фёдора Михайловича странно кружилась голова. Перед ним стояла всё та же Верочка, но удивительно привлекательная, фантастически соблазнительная.
- Мужчина невольно загляделся, пытаясь сопоставить видимую графику соблазнительной фигурки с теми пропорциями, которые акцентировал в статуэтке художник.
- Не смотрите на меня так, словно хотите съесть. Можете потрогать – я живая. У вас здесь есть лодки? Так хочется покачаться на волнах.
- Не знаю. Должны быть. Сейчас выясню.
- Какой же вы, Фёдор Михайлович... пригласили, а ведёте себя как мальчишка. Расскажите о себе.
- Так нечего рассказывать. Родился, женился...
- С этого места подробнее.
- Учились на одном курсе. Пару раз танцевали. Поцелуйчики, то-сё... Софочка забеременела.
- Брак по залёту. Обидно, досадно. Никакой романтики. А любовь?
- Не помню. Честное слово, не помню. Лирика как-то быстро превратилась в прозу. У меня идеальная жена, прекрасная работа.
- Но чего-то не хватает. Именно поэтому вы здесь. Забавно. Я тоже одна, но мечтаю влюбиться.
- Я здесь неделю буду жить. Составите компанию?
- У меня накопились отгулы. Это так, мысли вслух. Роскошный домик, природа. Мечта! Мы втроём с подругами комнату снимаем. С удовольствием пожила бы в такой изысканной обстановке.
- Вот и чудненько.
- Что насчёт лодки? Катаемся или как? Да, интим исключён. На всякий случай предупреждаю.
- Безусловно, Верочка. Что ты такое говоришь. Даже в мыслях не было.
- Одета девочка была слишком скромно. Несправедливость эту Фёдор Михайлович исправил на следующий день: заехали в бутик, купили то, сё... на его взыскательный вкус.
- Верочка не кокетничала, не притворялась, вела себя с достоинством, но очень просто.
- С ней было так легко, так щекочуще приятно, как ни разу не было за почти три десятка лет семейной идиллии.

Днём они гуляли, беседовали буквально обо всём, даже спорили, вечером вслух читали ту самую книгу, после чего эмоционально обсуждали каждый эпизод за ужином со свечами, делились рассказами о том, чем жили, о чём мечтали.

Ночами Фёдора Михайловича посещали нескромные мысли, но позволить себе приблизиться на более интимное расстояние к ставшей вдруг родной девочке не посмел.

Верочка действительно была умница: она всё видела, всё чувствовала, всё понимала. Её не было нужды завоёвывать.

В предпоследнюю ночь девочка после ужина пришла в его комнату, без рисовки, очень обыденно, словно это было привычным семейным ритуалом, сняла пижаму, нырнула под одеяло и прижалась, прожигая мужское тело нагой грудью, словно так было всегда.

– Почему... Вера?

– Захотелось прислониться, почувствовать живое тепло, поделиться своим. Просто так. Не ищите подвоха, Фёдор Михайлович. Я взрослая. Мой поступок ни к чему вас не обязывает. Мужчина и женщина наедине. Воздух вокруг наэлектризован до предела. Я чувствую ваше желание. Разве можно быть рядом и не заразиться?

– Не хочу, чтобы в последствие тебе пришлось пожалеть. Цветок, который сорвали, быстро вянет. Я стар... для тебя. У нас нет, не может быть счастливого будущего.

– Его ни у кого нет. Есть только иллюзии. Вот вы... у вас есть всё, о чём только можно мечтать: положение, семья, успешная карьера, достаток... а вы от всего этого убегаете. Образ идеального будущего не сложился. Пока оформляли пейзажный фон, антураж, потеряли несколько самых важных элементов, здоровье и молодость, например. Утратили безвозвратно.

– Не научился я жить малым. Стремился быть кем-то значительным, расширял личное пространство, в итоге оказался в лабиринте, из которого нет выхода: слишком много токсичных обязательств.

– Кризис среднего возраста. Самая большая в жизни переоценка ценностей. Женщинам за пятьдесят ещё сложнее. Многие сходят с ума. Моя мама, например, эмигрировала в личное пространство и не вернулась оттуда. Вы мне нужны. Сегодня, сейчас. Вы первый, кто отнёсся ко мне как к девушке, а не как к самке. У меня нет ничего, кроме молодости и стремлений, у вас – ни того, ни другого. Хочу поделиться.

– Щедро.

– Зря вы так, Фёдор Михайлович, я искренне, безвозмездно.

Эта ночь была территорией бесконечного счастья.

Неземное блаженство растянулось на сутки.

Увы, время невозможно остановить, даже когда для этого есть серьёзный повод.

– Верочка, поехали со мной.

– Зачем, Фёдор Михайлович, предлагаете руку и сердце?

– Хотел бы, но... не могу оставить семью. Жена не заслужила такую кару. Назначу тебя замом, введу в совет директоров. Помогу с квартирой.

– Торгуетесь, назначаете цену. Предлагаете роль фаворитки, любовницы. Боюсь, знаете ли, продешевить. Шучу! Просто не хочу превратиться в стерву. Вы мне ничем не обязаны. Расслабьтесь. Мне было хорошо, вам, как я понимаю, тоже. Не нужно ничего придумывать. Я от поцелуя не забеременею, а жизнь... сама всё расставит по местам.

– Я привязался к тебе. Хочу и могу упростить, раскрасить твою жизнь. У меня большие возможности. Хочу быть рядом.

– Будь, пока нас обоих такие отношения устраивают. Мне моя жизнь нравится. Ты – тоже.

– Как ты себе это представляешь? Ты здесь, я – там. Между нами сотни километров.

– Думай.

– Я тебя... люблю! Позволь попробовать сделать тебя счастливой.

– Смело. А там, в кабинете Константина Андреевича, смотрели как на привидение.

Фёдор покраснел, – большое, девочка моя, видится на расстоянии. Не разглядел сразу.

– Я не в претензии. Не вы первый. Внешность у меня неброская. Не стремлюсь выделиться. К богатству тоже равнодушна. Люблю движение, энтузиазм, страсть. Моя широта вам не по силам.

– Поехали, не пожалеешь.

– Не обещаю, но подумаю.

– Я уже всё решил...

– Всё, – заулыбалась Вера, – это очень... очень много. Боюсь, не осилю.

– Где же ты раньше была?

– В какой период времени?

– Когда я был молод.

– Вот вы и ответили на свой вопрос. Домой отвёзёте?

– Хоть на край света.

Верочка всплакнула, когда прощались.

– Сдавай дела, рассчитывайся. Жду звонка. Отказ не принимается. Королевой жить будешь.

Фёдор Михайлович вновь обрёл желание жить, был полон энергии и энтузиазма, сразу по приезду развёл бурную деятельность.

Была снята, со вкусом обставлена квартира, расчищена вакансия зама, продуманы до мелочей нюансы конспирации.

Днём Фёдор Михайлович думал о Верочке, ночами о ней мечтал и грезил, вызывая в воображении объёмные голограммы. Он был счастлив, что такая девушка согласилась быть рядом.

Прошла неделя, затем вторая.

Вера как в воду канула: не звонила, не отвечала.

Пришлось ехать. Но на месте ждало ещё большее разочарование: Верочка уволилась и куда-то уехала, оставив в съемной квартире у подружек лаконичную записку: “Прости и прощай. За меня нельзя решать, тем более всё. Не хочу стать ещё одним токсичным обязательством”

– Дурёха, я же фигурально! Где... где тебя теперь искать!

Впервые в жизни Фёдор Михайлович был по-настоящему влюблён, впервые бессилён перед обстоятельствами.

Она мечтала

*Живя то будущим, то прошлым,
воспоминаньем и мольбой,
я без тебя сто жизней прожил
и лишь мгновенье был с тобой*
Андрей Дементьев

Странное безумие, нервная обречённость до дрожи, нестерпимая боль, скрутившая так, что невозможно было вдохнуть или выдохнуть, но не в теле, где-то за его физическими пределами, заполняло всё обозримое пространство.

Взвинченное эмоциональное состояние, как эстафетная палочка облетело вокруг, вызывая о сочувствии, о сострадании, поддержке. Беззвучный крик души немедленно отозвался, вначале внезапными порывами ветра, поднявшими тучи пыли, пробежавшими по мостовой шустрыми завихрениями, вздымающими мусор, срывающими листья с деревьев, затем резко сгущающимися сумерками.

Небо неожиданно заволокло чернотой, раздались далёкие раскаты глухих взрывов, раздирающих небо в клочья, затем стеной обрушился дождь, многоярусной паутиной разворачивались сверкающие молнии...

Денису казалось, что негодует и страдает вместе с ним весь мир. Мир, который рухнул в одночасье. Его мир, казавшийся незыблемым и восхитительно дивным.

Он стоял, раскинув руки, мечтая о том, чтобы одна из молний пронзила его брненное тело, которое перестало быть нужным. Ливневые струи омывали лицо, стекая мутным потоком, превращая его в подобие огородного чучела, терзаемого безжалостной стихией.

Юноша представил себе, как жизненные соки растворяются в этих жалящих, больно вгрызающихся в чувствительную кожу лица каплях, стекая удобрением в землю, превращая его самого в мумию вместе с ускользящим сознанием.

Затеряться, исчезнуть, пропасть. Других желаний не было.

Однако небо не обрушилось, и твердь под ногами не разверзлась. Даже фонарь не потерял способности светить, хоть и превращал недалёкие предметы в качающиеся размытые силуэты. Всё оставалось прежним, кроме самого Дениса, который представлял себя бесплотным призраком.

А всего-то... получил весточку об утрате взаимности в любви.

– Извини, – сказала бездушная телефонная трубка голосом Ирины, его возлюбленной, – нам необходимо расстаться.

– Как, почему, что случилось, родная?

– Всё просто, Денис. Жизнь не стоит на месте. Наша любовь не смогла вовремя подрасти. Она была слишком слаба и очень беспечна. Ты думал, что объятия и поцелуи дают право на ответные чувства, поэтому, слишком часто оставлял меня одну. Наверно, я не очень сильная, не смогла перенести равнодушие, только и всего. Лёня меня утешил, когда было особенно плохо, поделился живым теплом, развеял грусть, дал надежду на светлое будущее. Теперь я люблю его. Всё в этом мире появляется и исчезает, повторяясь вновь и вновь. Не грусти. Так происходило всегда, мы не стали трагическим исключением.

– Скажи, что пошутила, Ирочка, этого просто не может быть. Я жду тебя на нашем месте, очень соскучился.

– Я не шутила. Все именно так, как ты услышал. У меня теперь есть Лёня. А ты, ты Денис, ты прошлое. Всё просто. Смирись.

– Я слышу, как ты плачешь.

– От счастья, Денис, от счастья. Разве ты не знал, что слёзы иногда бывают сладкими?

– А я, что ты оставляешь мне?

– Не знаю, я об этом не думала. Наверно, тебе достанется память о том, чего сделать не захотел или поленился. Тебе же было со мной хорошо, сам сколько раз об этом говорил. Вот и проверь, так ли прочны твои чувства. Моя любовь, точнее предвкушение сказочных событий, стремления окунуться в источник настоящего счастья, оказались слишком хрупкими. Всё равно спасибо тебе, Денис! Ты замечательный друг. Могу предложить и дальше общаться в этой роли. Если хочешь, конечно.

– Вместо конфетки фантик? Наверно я соглашусь. Может, тогда поймёшь, что я лучше любого Лёни?

– Нет, Денис, не надейся. У нас всё по-взрослому. Я купила билет на поезд под названием жизнь лишь в один конец. Дружба, это всего лишь дружба. Мы с Лёней скоро поженимся.

– Как такое могло произойти? Ведь ты любила меня.

– Нам с тобой хотелось, чтобы так было. Юношеские мечты. Мама сказала, что первая любовь всегда заканчивается болью, но о ней с благодарностью помнят всю жизнь. Ты встретишь свою любовь, но это точно буду не я.

– Давай встретимся ещё раз, поговорим всерьёз. Я уверен, всё ещё можно исправить.

– Нет, Денис, уже невозможно. Я от тебя ничего не скрываю, говорю как есть. А встретиться можно. Записывай адрес, я живу у Леонида. Сейчас и приходи.

– Почему раньше не позвонила, не сообщила, когда ещё не было поздно?

– Не могла разобраться в себе, боялась сделать тебе слишком больно, мучилась, винила себя в непостоянстве, считала предательницей. Поверь, это совсем не так. Сердцу не прикажешь. Когда-нибудь ты это поймёшь. Мама научила, как поступить. Теперь говорю только правду, без эмоций и нервов. Думаю, ты сможешь меня простить.

– Никогда! Я хотел сказать, никогда не поверю в нечаянную любовь. Он взял тебя силой? Говори. Я его уничтожу.

– Денис, не волнуйся ты так. Я действительно его люблю. И к тебе... тоже отношусь очень хорошо. Тебя ждать, придёшь?

– Нет. Я так не могу. Это неправильно, жестоко. Почему?

– Этот вопрос ты должен задать себе. Когда сумеешь ответить на него, станет легче. Оглянись вокруг. Наверняка сейчас мимо тебя проходит любимая. Ты разволновался и не заметил её. Улыбнись. Жизнь никого из нас не оставит без взаимности.

– Пытаюсь улыбаться. Только тебе лучше этого не видеть. Можно испугаться и остаться заикой на всю жизнь.

– Прощай, Денис. Не заводись. Это просто реальная жизнь. Она постоянно что-то отнимает даже у самых счастливых людей. Давай заканчивать разговор, пока ты ещё способен адекватно мыслить. Если надумаешь, можешь приходить, буду рада тебя увидеть. Целую.

Денис в отчаянии и злобе что-то пронзительно едкое выплёвывал в микрофон, но трубка выдала звуки отбоя, оставив его наедине с бушующими эмоциями.

Крик отчаяния перекрыл порыв ветра, превратив миг расставания в магический ритуал, переходящий в минорный ритм ливневых струй. Театральность момента подчеркивала обращённая, как бы к небесам обречённая поза с раскрытыми, словно в мольбе, руками.

Слёзы текли из глаз, вместе с ним плакало, стонало, рыдало небо.

Денис чувствовал себя лишним, одиноким на этой жестокой планете.

Звуки ливня дополняли, усиливали минорные ритмы момента, превращая простые, как земля и вода слова "я тебя не люблю" в причину столь мощного отчаяния, которое способно внушить мысль добровольно расстаться с жизнью.

Напор тревожных эмоций быстро заполнял образовавшийся в мыслях и чувствах вакуум, пока не спрессовал поток ощущений в единую массу, где невозможно было уследить, понять, вычленить что-то конкретное.

Гнетущая какофония неопознанных впечатлений перемешала возможность их осознания.

Денис в растерянности уселся на ближайшую скамью, сосредоточенно уставился в какую-то отвлечённую точку, расфокусировал зрение, расслабил тело, полностью утратив связь с реальностью.

Он был настолько переполнен страданием, что казался себе пустым, недушевлённым.

Из небытия его вырвал голос, глухо и тихо доносившийся, словно звучал из другой реальности.

Денис попытался сосредоточиться, уловить направление, откуда звучала речь. Сознание сопротивлялось, не желая лишиться невесомого равновесия.

– Эй, парень, ты живой? Да очнись же. Дождь идёт. Холодно и сыро. Ты настолько влюблён в стихию, что не можешь с ней расстаться, – девочка залилась звонким смехом. Смысл сказанного доходил с трудом, – я вот терпеть не могу эту мерзкую слякоть. Хожу назло себе, чтобы простыть и заболеть, смертельно, навсегда. Чтобы не жалко было расставаться с жизнью. А ты?

– И я...

– Что, ты?

– Умереть и расстаться хочу. Навсегда.

– Для этого есть реальная причина?

– Конечно, есть. Но кому до этого есть дело?

– Например, мне. Видишь же, я за тебя переживаю. Что случилось?

– Наверно я умер.

Девушка потрогала губами его лоб, посмотрела внимательно зрачки, пожалала плечами, – бред. Ты здоров, чего нельзя сказать обо мне. Только я не умираю. Жизнь слишком щедрый подарок, чтобы от неё так запросто можно было отказаться.

Денис не услышал слов девушки о болезни. Собственно, он и саму её чётко не различал. Зрение упорно не желало возвращаться в нормальное состояние. Единственное, чего он сейчас хотел, чтобы его оставили в покое. Чувства и мысли отказывались подчиняться, зависая и кувыркаясь внутри головы цветными концентрическими кругами.

– Мне не нужны, понимаешь, ни помощь, ни участие, вообще ничего.

– Ошибаешься. Я же вижу, с тобой что-то не так. Уж не наркотики ли тому виной?

– Нет, это точно нет. Можешь просто уйти, тихо, без слов, развернуться и исчезнуть навсегда?

– Теперь точно не могу. Сейчас вызову скорую помощь. У тебя ведь есть телефон?

– Не нужно, девушка, умоляю вас. Со мной всё в порядке. Наверно, так странно тело покидает любовь.

– Любовь? Обнял, поцеловал, помечтал. Нашёл повод расстаться с жизнью. Если люди что-то необычное чувствуют, а потом расстаются, значит, никакой любви не было. Хочешь, я тебя поцелую? Мне не трудно.

– Откуда тебе знать, что такое любовь, сколько тебе лет, деточка?

– Я из-за болезни такая худая. Можешь не верить, но мне уже двадцать. Было. Теперь больше, Девушка подошла к Денису, наклонилась и поцеловала его в губы.

Неловко. Сразу смутилась и отпрянула, – ну, вот. Кажется, ты вернулся на Землю. Меня София зовут, можно Софья, но София правильно, так в паспорте. Лучше стало? По глазам вижу, намного лучше. Я уже нагулялась, ужасно замёрзла, наверно теперь обязательно простыну. Хорошо бы совсем, в последний раз.

– Что, совсем?

– Устала болеть. Не представляешь, как хочется отдохнуть.

– От чего отдохнуть?

– От всего сразу. С утра до ночи процедуры, таблетки. Всё болит. Ладно, ерунда. Никогда никому не жаловалась и вдруг перед тобой расплакалась как девчонка с соской. Ты так и не сказал, девушка бросила, да? Глупая она. Ты красивый. И любишь наверно очень-очень, если так сильно страдаешь. Меня бы кто так полюбил. Имя у тебя есть?

– Денис. Не переживай за меня, на самом деле я сильный. Наверно от неожиданности расчувствовался.

– Это заметно. Сидишь под проливным дождём, потому, что покинут любимой девушкой. Жалкий, убитый горем, сильно-сильно стараешься покинуть брненное тело, но себя жалеешь сильнее, чем утраченную любовь. Просто обожаеете вы, мальчишки, нюни распускать. Сделали бы тебе хоть раз химиотерапию, когда волосы выпадают, тело от напряжения дрожит, руки-ноги не шевелятся, тогда бы узнал, что такое боль и беда. Или кожу бы с тебя живьём сняли. Э-эх, о чём я тебе говорю, разве такое можно понять, не испытай, не отведав?

– Что у тебя за болезнь... о себе говоришь или так, для примера?

– Забудь. Привычка глупая размышлять вслух. Я ведь одна почти всё последнее время. Ни подруг, ни друзей. Только мама. Да и та всегда на работе. Хоть наговорюсь с тобой. Я здесь рядом живу. Пошли ко мне, обсохнешь. На чучело похож, до чего промок.

– Неудобно. Чего ты со мной нянчишься?

– Привыкай. Сам видишь, жить не всегда комфортно, иногда, чтобы просто выжить, приходится страдать, терпеть боль, уговаривая себя, что это и есть самое прекрасное, что впереди возможны испытания более серьёзные и мучительные. А ты из-за детской игры в сердечные чувства расстроился. Я же вижу по глазам, что до неё у тебя девчонок не было. Первая любовь? Первая. Счастливый. У меня ни одной не было. Только в школе, когда совсем маленькая была. Коля, мы с ним за одной партой сидели, он меня сначала щипал и за косы дёргал, потом целовал в подъезде. Тогда я не так сильно болела, в школу ходила. Он с родителями уехал из нашего города. Больше никто никогда не любил. Разве что мама. Ладно, пошли, замёрзла я, мамка ругаться будет.

– Давай зайдём в магазин, хоть к чаю чего-нибудь купим.

– Нельзя мне чай. Много чего нельзя. Проще сказать, чего можно. Себе купи, только заварки у нас нет. Мама не хочет меня дразнить, тоже ничего запретного не ест и не пьёт.

– А цветы можно?

– Смотря какие. Хризантемы можно, ромашки. На остальные у меня аллергия.

– Смотрю, тебе ничего нельзя. Как же ты живёшь?

– Хорошо живу. У меня есть мама, гитара есть, много-много книжек. С тобой вот наговорюсь, буду потом вспоминать, эмоции в стихах описывать. Я и рассказы пишу. Про любовь. Иногда так увлекусь, что сама влюбляюсь в своих героев. Один раз всерьёз влюбилась. Ночами не спала, разговаривала с ним. А рассказ переписывать пришлось. Он, кстати, тоже Денис. Я его под дождём нашла, как тебя. И влюбилась... с первого взгляда. Не веришь? Дома дам почитать. Я никогда не вру.

– Почему не верю, какой тебе смысл обманывать?

– Ещё я на гитаре люблю играть, песни пою. Слова сама сочиняю. У меня пять плёнок уже записано на магнитофоне с собственными концертами. Только мне больно очень на гитаре играть. Струны тугие, кожа на руках лопается, приходится медиатором пользоваться. Ещё я рисую. Карандашные портреты. Героев всех своих рассказов нарисовала. Тоже могу показать. И Дениса, в которого тогда влюбилась, тоже. Он немного на тебя похож. Вот и пришли.

Старенькая пятиэтажка из белого кирпича, первый этаж, двухкомнатная квартира, встретившая вёдливый запахом медикаментов.

София разделась, не снимая варежек, что было очень неудобно. Эти варежки приковывали внимание Дениса всю дорогу. Осень, дождь. Девушка в плаще с капюшоном, с раскрытым зонтом, и вдруг в матерчатых варежках.

– Приноживаешься? Знаю, не очень романтичный запах. Я привыкла, не замечаю. Вот ванная, раздевайся. Меня можешь не стесняться. Полоскать одежду самому придётся, мне кожу мочить нельзя, слезет сразу. Потом в стиральную машину засунем. Высушишь утюгом. Сам справишься, – София сняла варежки, под которыми ладони были плотно обернуты бинтами.

– Кожа не приживается. Не обращай внимание. Вот мамин халат, он тебе в самый раз будет, она у меня габаритная. Не стесняйся ты так, не на свидание ведь пришёл.

Девушка звонко засмеялась. Голос у неё был музыкальный, мелодичный. Говорит, словно поёт, а не разговаривает, – ты спортивный, сильный. Правильно, что в тебя девочки влюбляются.

Теперь Денису захотелось рассмотреть Софию.

Невысокая, с огромными, очень выразительными серо-голубыми глазами, кукольное личико, белоснежная кожа, короткие русые волосы, худая, словно тростиночка, еле заметные холмики груди. И улыбка. Похоже, девушка с ней родилась и никогда не расстанется.

– В этом халате ты на мою маму похож. Выжимай одежду, пусть немного стечёт. Порошок вон там. Только я уйду отсюда, мне нельзя им дышать, задохнусь сразу. Включать машинку вот так. Потом ко мне приходи. Буду хвастаться.

Чистота в доме была как в операционной, идеальная. Ничего лишнего. На стенках множество искусственных цветов во всевозможных кашпо. В комнате Софии два кресла, застеленная кровать, возле которой подставка для капельницы и маленький столик, заставленный медикаментами, два стула возле большого стола, на котором лежала книжка и две стопки писчей бумаги. София достала из тумбы стола пластиковую папку, на которой фломастером написано "Избранное".

– Вот. Читай здесь, это про Дениса, остальное потом. Скоро мама придёт, мне нужно будет отвлечься на обязательные процедуры. Тогда уже дальше считаешь, если интересно. Ну, что, не обманула? Мальчика зовут Денис. Проливной дождь. И поцелуй. Ага! А если я знала, что тебя встречу, и это на самом деле судьба, тогда как? Ладно, Денис, расслабься. Мало разве в жизни совпадений. В рассказе у меня девочка здоровая, не то, что я.

– Знаешь, София, мне немножко не по себе. Мистика какая-то. Так не бывает.

– Ато, ещё как бывает! Я же тебе говорила. Смотрю, сидишь. Сразу тебя узнала, потому что сама придумала. А вот и мама. Слышишь, дверь открывает?

– Мамочка, родненькая, я так по тебе соскучилась. Знакомься, это Денис. Я его от душевной травмы спасаю. Его любимая бросила. Он постирает, высушится и уйдёт. Не ругайся, а!

– Да что ты, деточка. Денис, можно вас на пару слов? На кухню, пожалуйста, проходите. А ты не подслушивай. Ишь, любопытная Варвара, уши растопырила. Мы быстро.

– Мам, Денис хороший. Не нужно ему ничего лишнего говорить. Я ведь женщина. Должно же во мне оставаться хоть капля загадки.

– Готовься к процедуре, женщина. Я его чаем напою. Вижу, что вкусенького себе закупил. Голодный, наверно. Проходите, Денис, присаживайтесь. У нас не очень удобно. Наш дом, скорее клиника, чем жильё. Думаю, вы успели заметить.

– Если можно, на "ты". Не привык, когда старшие обращаются официально. Предупреждая первый вопрос, докладываю: учусь на третьем курсе в другом городе. Программист. Родители живут здесь. Папа инженер, мама учительница. Встретились случайно. София подошла ко мне сама. Был один поцелуй. Пожалуй, очень целомудренный. Как дочка целует маму. Я к ней не приставал, руки не распускал, непристойных мыслей не вынашиваю.

– Знаю. Как ты мог к ней приставать, если она ещё ребёнок? Ей лет много, а физическое развитие отстало лет на шесть. Ей же ничего почти нельзя. От всего аллергии и воспаления. Несчастный ребёнок. Не понимаю, за что судьба так наказывает этого ангела. Она так талантлива. Но я стараюсь убедить, что она обычная. Незачем Софочке знать лишнее, надежды питать. Ещё размечтается, подумает, что существует способ обмануть болезнь. Нет у неё такого

шанса, и не будет никогда. Целый букет тяжелейших генетических заболеваний. Неизлечимых. Прошу вас... тебя, Денис, ничего себе не придумывай. Она фантазёрка, очень обаятельная фантазёрка. В неё все сходу влюбляются. Нельзя давать ей надежду, которую невозможно осуществить. Это может ускорить болезнь.

– Собственно, я ничего такого... а дружить с ней можно? Просто иногда приходится, читать её рассказы, слушать песни, беседовать.

– У тебя есть три часа. Читай, слушай, развлекайся. Не могу сразу отнять у Софии такую игрушку. Постарайся ей не понравиться. Так будет лучше... для неё. Она привыкла жить одна.

– Как вас зовут?

– Анна Павловна. Старайся при ней не кашлять, не сморкаться. И ни в коем случае не дотрагивайтесь до неё. Это может вызвать серьёзное воспаление.

– Я вас услышал. А папа у Софии есть?

– У девочки замечательный папа. Был. Умер три года назад. Не выдержал чувства вины перед дочкой. Генетические заболевания – подарок от его рода. Он очень страдал от этого. Выпивал. Инфаркт. Теперь нас совсем некому поддержать. Моего заработка не хватает на медикаменты, хотя работаю в больнице. Иди, она ждёт.

Выйдя из кухни, Денис увидел, как девочка на цыпочках подходит к своей комнате. Она обернулась, приставила палец к губам, призывая молчать. Похоже, подслушивала. Но разговаривали они тихо, вряд ли София чего-то слышала.

– Не мог громче говорить? Ну, рассказывай скорей. Небось, сказала, чтобы дышал через раз и в сторону, ближе, чем на три метра, не подходить. Не чихать, не пукать. Так? Не слушай её. Я смерти не боюсь, просто нисколько. Смерть – это избавление. Можно, я ещё раз тебя поцелую? Тихонечко. Мама ничего не узнает. Просто чтобы доказать, что мне совсем-совсем не страшно.

– София. Давай лучше продолжим начатое. У нас мало времени. Анна Павловна разрешила чем угодно заниматься... три часа. Только без глупостей.

– Тогда так: кассеты с записями я дам тебе послушать с собой, рукопись тоже. Только обещаю вернуть. У меня копий нет. Сейчас я буду петь... а ты слушать. Хочу посмотреть на твои эмоции, для меня это очень важно. Потом расскажешь всё про себя. Всё-всё, но коротко. Дальше, хочу знать про вашу с Ириной любовь. Всё-всё. До мельчайших подробностей. С самого начала и до самого конца. Я уже рассказ задумала, очень-очень чувственный. Но сначала поцелуй. Договорились? Думаю, в три часа уложимся.

– Договорились. Только тихо, чтобы мама ничего не знала.

– Ура! Подожди, сначала приготовлюсь. Только не смейся. Я так волнуюсь. Глаза закрой. Не подсматривай.

Денис почувствовал легкое прикосновение горячих губ, потом между губами застенчиво пролез кончик влажного языка. Юноша не ожидал от себя какой-либо реакции вообще, просто выполнил просьбу, разрешив обычный поцелуй.

Сила и глубина внезапного ощущения удивила. Вкус поцелуя показался сладко-фруктовым. Губы были очень приятными на ощупь и вкус: возбуждающими, мягкими, волнующими, чувственными.

Юноша в недоумении открыл глаза.

София дышала, высоко и сильно вздымая грудь, словно только что пробежала стометровку. Глаза её были открыты, словно фары, излучая энергию крайней степени удивления, покрывшееся румянцем смущения лицо покрыто белыми пятнами.

– Так бывает всегда?

– Как?

– Я чуть не умерла от удовольствия. Немножко щекотно, но там, внутри, я чуть не выпорхнула из себя. Мне так показалось. Поток блаженства прокатился вниз, потом вверх,

закружилась голова, внизу что-то напряглось, потом стало жарко-жарко, и трудно дышать. С тобой было так же?

– А, ты про это... почти всегда. Если тот, кого целуешь, тебе действительно нравится.

– Хочешь сказать... Денис, скажи, я ведь в любом случае женщина, правда, разве я не могу нравиться? Хоть кому-нибудь, самую чутельку, вот столечко.

– Девочка ты, а не женщина. Красивая, юная, привлекательная. Почему ты решила, что не можешь нравиться? Это совсем не так.

– Почему мама говорит, что мне нельзя быть женщиной?

– Не знаю, София. Ей лучше знать.

– Не ври. Она тебе всё рассказала. Почему мне нельзя быть женщиной, – требовательно и жёстко спросила девочка, с расстановкой произнося каждое слово.

– Из-за особенностей здоровья, наверно. Она за тебя переживает.

– Мамка сказала, чтобы ты больше не приходил, так? Только не ври!

– Ну-у-у... как бы...

– Понятно... сказала-сказала. Так я и знала. И ты больше не придёшь, послушаешь её, да?

– Не знаю, как быть, София. Мама очень просила. Её расстроило наше с тобой знакомство.

– Она днём работает. Ты же всё равно должен будешь мне кассеты принести. Вот и повод. Поговорим ещё о чём-нибудь, я спою, стихи почитаю. Свои. Хочешь, про тебя тоже напишу? Хочешь! Это что, преступление, если у меня будет один единственный друг?

– Хочу, конечно, хочу. И стихи, и рассказы, и песни. Но, пойми, София. Я скоро уеду учиться. Приезжать смогу дня на два в месяц. Ты будешь расстраиваться, скучать, заболеешь ещё сильнее. Давай лучше забудем нашу встречу. Ты ведь привыкла жить одна. Анна Павловна сказала, что слишком близкое общение для тебя опасно. Любая случайная инфекция способна убить. Не могу и не хочу быть причиной твоей гибели.

– Моя болезнь неизлечима. Мало того, прогрессирует. Умру я через год или через месяц, какое это имеет значение, если никогда в жизни не узнаю, что такое настоящая дружба, не почувствую вкус поцелуя, не надышусь запахом мужчины, с которым мне захочется обняться и умереть.

Денис, ты сейчас разговариваешь со мной, не с мамой. Говори за себя. Испугался связаться с инвалидом? Так и скажи. Я пойму. Я ведь не жалуясь, ничего не прошу. Только немного, вот такую маленькую капелюшечку живого общения. Чтобы ты приходил, рассказывал чего-нибудь. Чтобы смотрел на меня... как сейчас... слушал. Больше мне ничего не надо. Даже целоваться совсем не обязательно... если тебе это неприятно.

Глаза Софии стали влажными, готовыми к немедленной протечке, улыбка начала расплываться, превращаясь в болезненную гримасу.

За несколько неуловимых мгновений, лишь судорожное движение мимических мышц выдавало её страдание, девочка с собой справилась, привычно водрузив на лицо дружелюбную улыбку.

Денис почувствовал себя негодяем, трусом. София являла собой образец силы духа, самообладания, стойкости. Нет, не мог он показать слабость, предать ожидания девочки, для которой вечность исчисляется лишь коротким отрезком числа дней, наполненных ограничениями, страданием и болью.

– Я приду. Завтра приду. Обещаю. Ты подумаешь, я подумаю. Обещать ничего не буду. Оставим пока этот разговор. Ты спеть обещала, и много чего ещё.

София принесла гитару, долго устраивалась в кресле. Подвижная мимика девочки свидетельствовала о том, что ей больно, но глядя на Дениса, она улыбалась.

Песня была длинная, мелодия тягучая, сильный голос брал за живое, выдавливая невольно слезу из единственного слушателя. Денис поймал себя на том, что рядом с этой

несчастной девочкой не может чувствовать себя отверженным страдальцем. Глядя на неё, становилось стыдно думать о том, что неудача на любовном фронте – это невосполнимая потеря, смертельная травма и терзающая боль.

Ведь Ирина объяснилась с ним корректно, без претензий и сцен, даже предложила дружбу. Сколько раз до и после этого приходилось расставаться с кем-то на время, терять совсем. Порой на душе было грустно, невыносимо мерзко, тревожно и пусто, но проходило время, беспокойные эмоции отпускали, забывались, тускнели. На смену одним людям приходили другие. Жизнь неизменно продолжалась, предлагая интересных друзей, новые перспективы, иные связи, чаще всего гораздо привлекательнее прежних.

София запела, явно желая понравиться. Она не отрывала ни на секунду взгляд от глаз Дениса, улавливая его восприимчивую реакцию, отражающуюся на лице, способность к сопереживанию.

Ни разу в жизни с ней не происходило подобного сегодняшнему.

Она чувствовала страстное желание дарить ему свой талант, понимая, что Денис по-настоящему впечатлён. И ещё, ещё он чувствует в отношении её не жалость, а неподдельный интерес, общается на равных, не акцентируя внимание на неприглядных деталях изъянов уязвимого организма.

Девушка транслировала искренние чувства и невысказанные мысли, облакая их в слова, интонации, ритмы и голос, а юноша чутко вслушивался, улавливая эти зашифрованные сигналы.

Удивительным образом они понимали друг друга, но не могли выразить смутные пылкие порывы словами или привычными действиями.

То, что происходило между ними, нельзя назвать любовью. Рождающиеся чувства видимо не имели пока названия, но, не нуждались в том, чтобы их систематизировали.

Магнетизм характера Софии или иные её качества, Денис сам не понимал, что именно привлекал его, настолько сильно притягивал, что он забыл обо всём, увлечённо наблюдая за подругой.

Три часа, отпущенные Анной Павловной на общение, пролетели незаметно. Мама их ни разу не беспокоила. Постучав в дверь, спросила разрешение войти.

– Денис, пора прощаться. Твоя одежда высохла, я всё привела в порядок. Можешь одеваться. Что ты сделал с моей девочкой? Она просто светится. Забыла, когда видела её такой счастливой.

– Анна Павловна, извините, но я иногда буду приходить к Софии. Иногда. Не часто. Пожалуйста.

– Я уже поняла это, глядя на дочь. Помни о том, что она не обычная девушка, с какими ты привык общаться, она хрупкий хрустальный цветок, который может разбиться даже от случайного прикосновения. Никто из нас не хотел для неё такой судьбы, никого нельзя винить, но и отменить болезнь мы не в силах. Надеюсь на твоё понимание.

– Спасибо, Анна Павловна! София, во сколько встречаемся завтра?

– Можешь прийти утром, часов в десять, после процедур. Буду ждать. Очень. Вот, это плёнки и рукопись. Только не потеряй.

Если бы ей это не причиняло нестерпимую боль, девочка обязательно захлопала бы в ладоши, так она ликовала, выражая возбуждённое состояние мимикой и сверкающей радостью взгляда, внешне оставаясь бесстрастной.

Денис сразу же отправился к школьному другу, Витьке Кирпикову, у которого можно было сделать копии рукописей и плёнок, оцифровать музыкальные записи, переписав на более удобные и современные компакт диски.

Витька не спросил, как у него дела на любовном фронте, про отношения с Ириной он знал, а Денис даже не вспомнил, что всего несколько часов назад хотел расстаться с жизнью, считая себя самым несчастным человеком на Земле.

Он сам не заметил, как разложил по полочкам события сегодняшнего дня, присвоив каждому из них оценочное значение, где Ирина прочно заняла незаметное место на второй полке, потеснившись в пользу дружбы с Софией.

Если отношения с Ириной он рассматривал в отчётливом матримониальном контексте, многократно красочно представляя свадьбу, эротические моменты предстоящего близкого общения, создание прочной семьи, то с Софией это всё не представляло интереса и ценности.

Дениса привлекли совсем иные особенные отличия девушки, которые прежде не приходилось замечать в качестве приоритетных характеристик для самой близкой представительницы противоположного пола.

София была настолько неповторимой, своеобразной, что вызывала позитивные эмоции независимо от интимных фантазий.

Но так юноша думал лишь в самом начале. Когда дома он читал рассказ, слушая одновременно пение подруги, в голову то и дело проникало воспоминание о невинном поцелуе, который, всплывая, возбуждал вполне определённое желание.

Пусть эротическим грёзам не суждено быть реализованными, так распорядилась судьба девочки, разве это так важно, когда ты готов к полной самоотдаче, независимо от телесных наслаждений? Так Денис думал, пытаясь понять, что движет его стремлением быть для Софии самым близким и самым нужным.

Юноша представлял, как поменяет ради Софии профессию, как окунётся в суть проблем её многочисленных болезней и непременно найдёт способ спасти. Не может быть, что совсем ничего нельзя сделать. Так не бывает. Должны же когда-то случаться чудеса.

Записей песен было много, качество звучания ужасное, однако, обаяние и магнетизм голоса неизменно порождали бурю эмоций, наслаиваясь, усиливая желание быть как можно ближе к удивительной, поражающей силой характера Софии.

Денис с наслаждением перебирал в уме разнообразные звучания её имени: Софья, Соня, Софочка. У Витьки в интернете он нашёл это замечательное имя, обозначающее понятие мудрости. И то, что София считается матерью основных христианских добродетелей: Веры, Надежды и Любви.

Так оно и было на самом деле. Юноша верил, что София – его судьба, по крайней мере, сегодня и сейчас. Чувствовал, что она дарит ему надежду на счастливую жизнь, пусть не очень долгую, но полную радости. Откуда появились такие мысли, не было даже малейшего желания задумываться. Что касается любви, разве без этого чувства можно было бы проникнуться к человеку таким беспредельным доверием?

Повесть, в которой был юноша по имени Денис, сцена их знакомства и романтическая история отношений с девушкой по имени Люся, была интересная, но до жути наивная. Что могла написать неопытная девушка, ни разу в жизни не испытавшая любви, ориентируясь лишь на прочитанные книги?

Эмоции, чувства и поведение молодых людей по ходу чтения много раз вызывали у Дениса улыбку. По отношению к Софии он был слишком опытен, хотя его познания и практика мало чем отличались от целомудренной жизни девушки.

Поцелуи, несколько контактных танцев, скромные объятия – вот и все приобретения на данной ниве, не считая конечно коллекции чувственных эмоциональных впечатлений.

Ценность рассказа была в ином. Это были не просто фантазии. В своём повествовании София отразила всё то, о чём мечтала, чего ждала от жизни, но была уверена, что ничего даже в достаточно далёком приближении не могло осуществиться из-за жестокой болезни.

Денис читал и представлял себе, что из списка грёз реально можно преподнести в качестве осуществимых событий.

Всё было настолько сложно, ведь он даже ни разу не видел обнажённой женщины, не представлял истинное строение нежного девичьего тела.

Как можно было пытаться осуществить чужие чувственные мечты, не имея личного опыта? Это равносильно тому, как София пишет свои рассказы.

Денис понимал, что задуманное им – чистой воды авантюризм, но ему так хотелось сделать Софию счастливой, что иные мысли полностью исчезли из сознания. Юноша закрыл глаза, без труда вызвав образ подруги, и принялся вести с ней оживлённый диалог. Даже голос представлял, словно она рядом, сам уже не понимая, снится ему это общение или настолько яркое видение он способен создавать в воображении.

Когда на следующий день молодые люди встретились, Денис путался, что ему привиделось и о чём действительно говорили.

София рдела, как рябиновая гроздь в предзимье, радуясь и восхищаясь каждым сказанным юношей словом.

Несмотря на то, что днём девочке непременно нужно было спать, делать необходимые процедуры, обо всём на свете было забыто до прихода Анны Павловны.

Она не ругалась, лишь безвольно изображала всплеском рук негодование, качала головой и пожимала плечами.

Мама даже уйти Дениса попросила позже обычного срока. А ребята всё говорили, говорили, говорили. Число тем не уменьшалось. Им было интересно знать друг о друге всё. София по ходу Денискиных рассказов переживала эмоционально за каждое слово, радуясь, если всё складывалось в его пользу.

Каникулы закончились. Денис уехал учиться, а Соня села за написание новых рассказов. Теперь она знала много больше. Её друг оказался великолепным рассказчиком. Каждый день девочка отправляла ему по письму, описывая свои занятия, копируя выдержки из рассказов, посылая стихи. Ведь теперь она знала так много про настоящую любовь.

Кому-то покажется странным, но через год они поженились. Даже умудрялись иногда очень осторожно осуществлять интимную близость. И счастливо прожили почти семь лет, до того момента, когда София тихо умерла во сне, так ни разу и не пожаловавшись на ужасные боли, ограничения и превратности судьбы.

Она постоянно мечтала, воплощая задуманное в длинных романах, даже забеременела в одном из них, выносила плод и родила. Правда так и не увидела никогда своего первенца, потому, что умерла при родах.

Супруги всё время проводили вместе, увлечённо разговаривали, так и не сумев наговориться. София писала, сочиняла стихи о любви и верности, глубокие, романтические, немного грустные. Всегда про него, своего Дениску, посвящала ему песни, и пела, пела.

Иногда после сольных концертов, посвящённых любимому, приходилось менять окровавленные бинты, потому, что у неё не было настоящей кожи, а та, что была, лопалась от напряжения с сильнейшими болями.

София терпела и улыбалась, считая себя самой счастливой, потому, что была настоящей женщиной, благодаря Денису.

В пухлых папках лежали сотни его карандашных портретов, и рисунков целующейся пары. В реальности им не суждено было по-настоящему обняться.

На её теле было лишь несколько небольших участков с чувствительной кожей. Один из них, малюсенькая, совсем неразвитая грудь, дарила супругам самые яркие минуты чувственных наслаждений.

Девушка так никогда и не узнала, что такое немощность и старость, умерев молодой и юной. Она всегда улыбалась, радуясь жизни, иногда сквозь слёзы. Денис чувствовал её боль, как свою собственную, страдая от невозможности помочь, облегчить жестокую болезнь.

Он так и не сумел найти средство, способное вылечить любимую, отчего приходил в отчаяние и плакал, когда София не могла этого увидеть.

После её смерти Денис женился лишь через десять лет, когда похоронил Анну Павловну, любившую его все эти годы как собственного сына.

До последнего дня своей жизни мужчина в день рождения и в день смерти Софии слушал её песни и читал рассказы, которые, накопив достаточно денег, издал четырьмя книгами с дизайнерским оформлением, так и не сумев продать ни одной. Он их просто дарил, подписывая на добрую память.

Стихи и песни издать не решился. Считал слишком личными, очень интимными, чтобы выставлять их напоказ. За некоторым малым исключением все они были посвящены ему и их необычной любви.

Читая и слушая, Денис не стеснялся слёз. Они были солёные на вкус, но пробуждали необычную, сладкую грусть, напоминая о самых счастливых минутах беспредельного счастья с любимой женщиной.

Доверяй, но проверяй

*Вопреки быстротечным годам,
Вопреки макаронам на ужин,
Я тебя никому не отдам!
Впрочем, ты никому и не нужен...
Влад Южаков*

Прочитал я однажды популярную книжечку по основам психологии, где автор объяснял, что любой человек, повествуя о чём либо интимном, на самом деле рассказывает о себе, как поступает в такой ситуации, почему, зачем... именно сам, поскольку иного опыта, кроме своего, у него нет.

Я и задал вопрос жене, желая узнать, что у неё на уме, интересно ведь, – Ларочка, ответь мне на один нескромный вопрос – почему женщины изменяют?

И что же я услышал... мамочки – имена персонажей были разнообразные, ситуаций вагон, причин измен – море, реальных случаев, с её слов – немерено. Получалось, что изменяют практически все.

Сижу теперь, обтекаю, и думаю – не пора ли пора разводиться? И вообще, что это было – отягощённость личным жизненным опытом или женская осведомлённость во всём, что касемо интриг и отношений?

Когда влюбляешься по уши, кажется, что это навсегда и забыть, потерять, отпустить собственные интимные чувства и того, кто их породил, невозможно в принципе.

Проходит срок, и уже не просто понимаешь, а знаешь точно, в реальной жизни возможно всё.

А ещё начинаешь постигать способность отличать конфету от фантика, в который она талантливо завёрнута.

Некоторые насобачились так ловко предъявлять обёртку со съеденным задолго до этого или испорченным содержимым, что приходится все слова и эмоции пропускать через социальные фильтры: старательно отсеивать всё, что в рекламных целях выставлено напоказ.

Что в сухом остатке? В сущности, ничего.

Когда начинаешь вникать в ситуацию, включить задний ход уже невозможно – всё, что касается семьи и брака плотно огорожено красными флажками. Ты в загоне.

К отношениям присовокуплены довески и отягощения, свернуть которые чересчур мудрено: например, общая жилплощадь, неделимое имущество, долги, дети.

Вот и приходится приспособливаться к ситуации, искать варианты безысходного отступления на ещё более слабые позиции.

Чего уж греха таить – не случилась у нас с женой вечная любовь, сломался механизм интимного вдохновения на восьмом годочке семейной жизни, да и те прожиты большей частью в соперничестве и распрях.

Кто бы знал, откуда они берутся те неразрешимые проблемы, по большей части вырастающие из обычных пустяков, которые яркое, светлое и тёплое легко превращают в бесцветное и сумрачное.

Динамика плодотворной творческой активности начинает буксовать, эмоции и чувства тускнеют. Мы всё те же, а интимного единения нет.

Из малюсеньких зёрнышек, брошенных женой в благодатную почву, как грибы после дождя выросли ростки ревности. Не то чтобы настоящий лес подозрений, а так, пока молодая поросль, жиденькие всходы.

И что делать! Что выросло, то выросло, придётся окучивать, что есть.

Прежде случалось всякое, когда те или иные факты заставляли задуматься про непоколебимую верность: в обнимку заставлял на празднествах (вроде как замёрзла, а её согрели), засосы, о которых ни сном, ни духом (разве что запомнил, выпив мальца лишку) фиксировал, на наглой лжи ловил, запахи посторонние неприличного характера обонял.

Понимаю, что большинство фактов можно объяснить случайностью, стечением обстоятельств, неоправданной ревностью. Кто из нас при определённых предпосылках не страдает подозрительностью.

Даже самый стойкий, уверовавший в непогрешимость супруги, порой спотыкается об интуитивное ощущение надвигающейся трагедии. Про такие случаи говорят: спинным мозгом чую.

Вот и у меня шестое чувство проснулось. Фактов нет, только предположения, но не на пустом же месте.

Масса косвенных подтверждений моей раздражительности имеют место быть: домой позже чем раньше приходит, возбуждённая не в меру, глазки отводит куда-то мимо меня, краснеет неловко, от друзей шарахается, детишек почём зря наказывает, а главное – духами напрочь пропиталась.

Когда улики вместе объединил да сопоставил, вот тут мне кисло стало: ведь это классический залёт.

Чтобы предъявить, его ещё доказать нужно.

Иду ва-банк, рассказываю жене о якобы измене, в надежде, что начнёт нервничать и расколется.

В деталях, в красках, с картинками, повествую о разврате немислимом. Мужики в курилке таких историй каждый день пачками на обсуждение выставляют.

Как правило, в этих историях мужчины всегда на высоте: дама – красотка писаная, обязательно замужняя, и практически недотрога, а он... сам весь из себя, волшебник и маг обаяния, гуру убеждения, виртуоз оболъщения, атлет в постели. Пришёл, увидел, победил.

Если не по любви, то запросто силой взял.

Покумекал я слегка, как преподнести супруге суровую весть, насупонил брови, сдаваться ведь как бы пришёл. И приступил, потупив очи долу, сдаваться.

Чем наглее врешь, тем охотнее верят. Это тоже у психологов вычитал.

Начинаю врать без оглядки. Пусть побесится. Встретил, мол, зазнобу. Покорила, очаровала, взяла в полон.

– Полюбил я её, ничего с собой поделать не могу.

И подробности, конечно – где, как, сколько.

Запахи, вкусы, ощущения, эмоции. Слезу для достоверности пустил. Вчера, мол, когда с ней беседовал про измены, одумался, понял, что не прав, что жить дальше во лжи мочи никакой нет.

– Хочешь – казни, хочешь – милуй. Вот моя повинная голова, если желаешь – руби с плеча, заранее согласен на всё. Потому что люблю только тебя.

Она, естественно, зацепилась, и вопросы наводящие задаёт – кто да что.

Врать, так врать, – подруга твоя лучшая, согласен говорю, – Светка Ионова. Влюбился по уши, согрешил, когда ты на работе была. Она к тебе приходила с какой-то бедой. А тут я.

Ну и успокоил. Сама понимаешь, как.

Женщин проще всего лаской утешить. Прижал к груди, кровь и вскипела. Ух, и жаркая же она, Светка, ох и юркая. Так подмахивала, чуть богу душу не отдал. С тех пор мы и того... короче, спим, милуемся, даже о браке мечтаем.

– Тварь! Не зря я ей не верила. Как в воду глядела. Это надо же? Вокруг пальца обвела подруженька. Ну ладно, отольются ей мои слёзки. А как, как, расскажи... у неё что, бриллиан-

товая вагина, что ли? Ты расскажи, расскажи. Поподробнее. Неужто я хуже этой рыжей стервозы? Стараюсь для тебя, стараюсь... сколько волка ни корми, он всё одно налево смотрит.

– Да нет, баба как баба, только у неё темперамент вулканический. И старательная очень. Хочешь не хочешь, а если в кровать с ней лёг – пиши пропало... часа на четыре, не меньше. А фигура... произведение искусства. Дотронулся и потёк.

Извини, но ты последнее время раздобрела, обабилась. Про то, что у неё интимные мышцы каким-то особым способом тренированы, я уже и не говорю. Вроде и детей столько же, как у тебя, а щёлочка узенькая, просто девичья. Ну, и это, у тебя ведь выпрашивать нужно, а она сама предлагает.

– Это я-то обабилась? А у гадины этой, значит, фигура. Так вот что я тебе, муженёк, расскажу, чтобы тебя от того бесподобного силуэта вырвало: мы с её муженьком, с Эдичкой, раньше вас закрутили. Вот так-то.

И мужик он, не в пример тебе, элитный, просто конь породистый, призовой скакун. Четыре часа... ха, да Эдичка шесть часов может без перерыва на обед, даже восемь. А зарабатывает вдвое больше тебя.

При всём этом спокойный как слон. Про габариты и каменную твёрдость его интимного аргумента промолчу. И компрессия. Спереди войдёт, а сзади простыню в зад засасывает.

– Смешно. Может быть, покажешь насчёт простыни? Не забывай, что я с твоим Эдичкой в баню периодически хожу. Размер его домкрата много раз видел. Не впечатляет.

– Чего ты в ней нашёл, а? Худая, мосластая, волосёнки щипанные. Тоже мне, царица Савская. Титьки у ней до пупа висят, как постиранные наволочки. Дырка, говоришь, узенькая! Зуб даю – не в ту щель с перепуга попал.

– Она же твоя лучшая подруга.

– Была.

– Это точно. Как узнает, что ты её мужа совращала, как курочку по пёрышку причёску твою фирменную на шиньоны подёргает. И промежность заштопает.

– Кто кому. Пусть забирает своего Эдичку, и проваливает. Знать больше не хочу.

Не думал я, что мой блеф свернёт на просёлочную дорогу и понесётся по бездорожью. Надо, думаю, выкарабкиваться. Ну не верю я во всю эту чушь. Так не бывает. И сам себя поправляю – сам же говорил, что бывает всё. А коли правда?

Разошлись по разным комнатам, курим прямо дома. Дым коромыслом, в голове бедлам. Всё, это конец!

– А чему, собственно финниш? Я изменил, она изменила. По большому счёту мы квиты.

Ууу! Что значит квиты? Я-то на самом деле не изменял, навывдумывал фигни всякой с целью проведения разведочных действий, а она, Лариска-то, на самом деле... вот ведь дрянь!

Есть, есть повод для развода, есть!

А квартира, а машина, а дети... какой к чёрту развод!

Узнал, твою маму, на свою голову! Оно тебе нужно было? Вот ведь идиот, право слово. Ну, гульнула баба мальчика, что с того! Кто теперь на сторону не прыгает? Семья дороже.

– Ларис, а Ларис!

– Не подходи, поганец, убью! Век предательства не прощу. На смертном одре вспоминать буду.

– Я это, того, пошутил. Наврал, хотел тебя проверить.

– Проверил! Отчаливай. С Эдичкой жить буду. Он хотя бы честный. Не то, что ты.

– Ну да, ну да. Постель ещё не повод... самый честный, блин. При живой жене, точнее, с двумя жёнами. Конь, говоришь? Может, размер гривы покажешь? Хотя грива это про тебя. У него другие выдающиеся детали. Ларис, а сильно у него выдающиеся, куда достают-то? Вот чего ты меня опять завела? Я ведь мириться пришёл. Зуб даю, что соврал.

– Тогда или сейчас? Соврал-то, спрашиваю, когда? А то, что у Светки шрам в паху и родинка на правой ягодице, аккуратно там, где рассказал, тоже выдумал! Конечно, милый... не делай из меня идиотку. Есть... и шрам есть, и родинка. Небось перецеловал всю с ног до головы. И эту тоже, через которую дети вылазят, язычищем вылизал. Вот как я тебе теперь доверять смогу? У-у-у гадость патлатая!

– Это же просто, Ларис. Мы летом на пляже вместе отдыхали. Она в бикини была. Всё же видно, кроме того, что под треугольником. Вы же, бабы, дуры набитые, норовите всю внутренность потенциальному потребителю предъявить.

– Ах, вот мы, значит, какие? Развратные, похотливые, бесстыжие. А вы, мужики, образец чистоплотности и целомудрия. Нигде у вас ничего не видно, только топорщится. Вы нам, мы вам. Квиты. Только у нас есть, на что приятно посмотреть, что с удовольствием потрогать можно. А у вас-то... ой-ой, без слёз не взглянешь, висит чёрт-те что, тряпочка... тьфу!

– Понятно, а у вас не висят, болтаются. По стойке смирно, когда в собачьей позиции стоите, а снизу призывно ягодка наливаются: сорви меня, добрый молодец, только не подавись. Я ведь не спрашиваю, откуда ты знаешь, что у Эдки одно яичко длиннее другого.

– Любовница твоя рассказала. Кстати, и о том, что шесть часов кряду может, тоже она. А ещё... ладно, не важно, проехали. Мириться он, видите ли, пришёл. Так и мирись, не хамя. Ягодки. А ничего, что я ими детишек твоих выкормила? Посмотрела бы я, как ты... не, ничего, пошутить хотела... неудачно. Ладно, давай уже, мирись. Я ведь тоже тебе наврала. Мамой клянусь. Отомстить хотела.

– Так и я тоже... блефовал, чтобы тебя расколоть.

– Чего это меня-то! Он, главное, изменил, а меня проверять удумал. Хорошенькое дельце. Со Светки слез и мириться приполз. Не дала, что ли... или выгнала! Чего это я несу, дура? Ты, дорогой, не слушай меня, бабский характер, всегда хочется последнее слово вставить. Допустим, я тебе поверила, и что, чем компенсировать будешь?

– Ну, ты, Лариска, и стерва. Предлагаешь за твои кувырки с Эдикой мне расплатиться? Я тебе как на духу: ничего у нас со Светкой не было. Усекла?

– Я твои извинения принимаю. За стерву отдельно мириться будем. Она тебе гораздо дороже обойдётся, чем Светку трахнуть.

– Да не было у меня с ней ничего. Можешь у неё сама спросить.

– Я и не сказала, что было. Постель ещё не повод для знакомства. Один раз разрешаю.

– Выходит, ты мне не поверила?

– Доверяй, но проверяй. Есть такое понятие – срок давности. Извинения приняты, но с испытательным сроком.

– Тогда и ты... одну из подробностей, которую мне предъявила про Эдикку, эпизодик такой малюсенький, он мне рассказывал, только не про тебя... вот я и думаю...

– Думает он. Чем размышлять-то, тыквой? Значит, и мне тоже он рассказал.

– Ага, прямо так взял и сдался с потрохами лучшей подружке своей жены. Я тоже Светке обо всех своих приключениях на стороне докладываю. Чисто для хохмы, чтобы ты не волновалась, а то ещё ревновать вздумаешь.

– Кого ревновать-то, тебя, что ли? Кому ты нужен, разве только мне, да и то, потому что дети.

– Вот и не ревнуй.

– Даже не думаю. Трахайся, сколько влезет. Только не со Светкой.

– Ловлю на слове. С какого дня налево можно?

– Прямо сейчас и начинай. Я готова.

– Так мы уже чего, помирились?

– А я о чём, битый час талдычу?

– Может, нам Светку с Эдиком в гости пригласить? Расскажем им всю эту хохму с ободной разводкой, посмеёмся от души.

– Ты чего, совсем ку-ку, хочешь меня с лучшей подругой поссорить?

Мы рассмеялись и побежали мириться.

Темпераментно вышло, азартно, чертовски чувственно, аж мурашки по телу.

Но я так ничего и не понял, не поверил в хохму. Умеют же бабы воду мутить.

Интересно, а она мне поверила?

Адреналин

*Странное танго в кривых зеркалах
Делаю шаг – отраженьё не в такт
Значит, не будет – долгих прелюдий
В танго сердца подаются на блюде
Анна Арканина*

– Ну и неделька выдалась, одна маета, – с облегчением вздохнул Павел Егорович, прикрыв с обратной стороны дверь служебного кабинета, – самое время расслабиться, облегчить душу, забыть про конкуренцию, инвестиции, прибыль.

– Давненько, однако, не брал я в руки... изящной талии молоденькой грации... да-а-а, никого кроме жены, собственно, не брал... месяц, или два! Непорядок! Так и заскорузнуть недолго, возраст почувствовать. Во всём нужна сноровка, закалка, тренировка...

Закорюкин задержался в фойе, украдкой оглядел себя в зеркало, снял галстук, – ошейник ограничивает свободу, заставляет помнить, что кому-то чего-то должен. Но ведь это не так, не совсем так... вот и докажи. А рубашечку свежую надо бы купить, чтобы домой не возвращаться.

Выйдя из магазина мужской одежды при параде, Павел Егорович какое-то время сидел в автомобиле с закрытыми глазами, пытаясь окончательно стереть из памяти ворох навалившихся за неделю проблем, которые навязчиво давали о себе знать, словно дамские собачки размером с кулак, изображающие воинственность.

Автомобиль приятно заурчал. Это была сугубо личная территория, можно сказать интимная. На обустройство салона своего Жеребчика Павел Егорович средств не жалел.

Вывернув на дублирующую проспект дорогу, он встал в правый ряд, включил аварийную мигалку и поехал со скоростью никуда не спешащего пешехода, внимательно вглядываясь в проходящих мимо и мирно сидящих на скамеечках юных представительниц прекрасного пола.

Ему была нужна женщина особенная, способная удовлетворить не только интимную страсть, но взыскательный вкус и потребность ощутить тесную связь в духовном пространстве, которое в семейной реальности выглядело до безобразия тускло.

Объяснить, какая именно дива удовлетворит субъективным критериям, не мог даже себе. Не задумывался, просто чувствовал сразу: вот она – женщина мечты, хотя предпочитал девушек без прошлого.

И ведь почти никогда не ошибался: видимо искренне дружил с интуицией.

Так было и на этот раз: внешне неприметная девушка (на расстоянии сложно разглядеть подробности, определить характер, эстетические особенности и темперамент) шустро передвигалась вдоль аллеи летящей походкой, никого не замечая вокруг.

Упругое тело ритмично раскачивало колокольчик коротенького платьица, самозабвенно доминирующего посредством изысканности фасона и интенсивности необычного цветового решения, вызывая у граждан обоого пола глубокий эстетический шок, заставляющий провожать миниатюрную фигурку замороженными взглядами, выражая восторг жестами.

Девушка, точнее скользящий её силуэт, неповторимая грация, эксцентричная манера передвигаться в пространстве, была похожа на яркую вспышку молнии в кромешной серости пасмурного дня.

Распушенные по плечам порхающие в потоках воздуха волосы придавали облику впечатление неуловимости – этакое нейтринно в бескрайнем разнообразии неспешных земных скоростей.

Чувственный мистический экстаз от созерцания ослепительного очарования длился считанные секунды. Проворная соблазнительница свернула в узенькую аллею направо, скрылась за кустами.

Как назло впереди на дороге не было кармана, чтобы немедленно припарковать машину, а бросать на проезжей части дорогое авто не позволила умудрённая опытом осторожность.

Павел жестом подозвал мальчишку, играющего поодаль, – видишь девочку, вот тебе пятьсот рублей, попытайся задержать. Получишь ещё тысячу.

Мальчишка, ловко выхватив купюру, побежал выполнять поручение.

Павел Егорович энергично рванул с места. Метров через двести нашёл парковку, вылез, хотел было пробежаться, но вовремя успокоился: спешка предназначена совсем для других целей. Знакомство должно выглядеть неожиданным, случайным.

Мальчишка валялся на тротуаре, делая вид, что корчится от боли. Малышка хлопотала подле него, предлагала вызвать неотложку.

Павел Егорович жестом попросил мальчишку исчезнуть, незаметно “выронил” на тротуар тысячную купюру, давая понять, что спектакль пора заканчивать.

– Спасибо тётяшка, не надо скорую. Я рядом живу, мне и не больно совсем.

– Похвальный альтруизм, милая барышня. Теперь люди проходят мимо попавших в беду. С удовольствием поговорил бы с вами о гуманизме, альтруизме, о современных нравах, бескорыстии, духовных ценностях. Редко увидишь столь юную особу, способную сопереживать. Вы и в любви такая же доверчиво бесхитростная? Завидую вашему... другу. Вы ведь верно к нему торопитесь?

– Вовсе нет. В смысле, любви, друга. Меня воодушевляет динамика энергичного движения. Дыхательный центр находится глубоко в мозгу. Чем больше кислорода поступает в кровь, тем стремительнее поток энергии, питающий сознание. На ходу легко думается. Мысли сами залетают на огонёк. Я их отлавливаю, словно бабочек, прикалываю булавками, чтобы потом не спеша как следует разглядеть.

– Жестоко вы обходитесь с мыслями. Наверно собрали уникальную коллекцию? Вы наверно будущий физиолог; нет – философ ... или поэтесса? Надо же... сколько милых загадок в прекрасной головке, сколько удивительных качеств, достойных поклонения... и восхищения. Учитывая красоту и эрудицию, помноженную на юность, получаем что... правильно, изысканное наслаждение общаться с вами... покорительница сердец. Очаровали, буквально за мгновение очаровали. Как я счастлив, что решил прогуляться именно по этой аллее.

– Я студентка. И не надо меня расхваливать: терпеть не могу рекламных агентов и вообще всё навязчивое. Папа научил задавать себе вопросы, ставить под сомнение любую информацию, тем более прямые действия. Мне ли не знать что я самая обыкновенная, что необходимо быть осторожной, выслушивая медовые комплименты и необоснованную лесть. Наверняка вы что-то задумали.

– Вот так всегда! Никто не желает верить в искренность. Ну и не старайтесь, просто расскажите о себе. Я такой любопытный. А давайте, – Павел Егорович демонстративно посмотрел на часы, делая вид, что нагружен важными делами, – на встречу я уже опаздываю, отправлю сообщение об отмене. Предлагаю зайти в кофейню. Там уютно, прохладно. Увидите, в романтической обстановке тоже легко выстраивать логические цепочки, задавать вопросы и охотиться на глубинные мысли. Постараюсь реабилитироваться.

– Мне и с собой не скучно. Впрочем... у меня достаточно денег на чашечку кофе и пирожное. Люблю посидеть в кафе “Шоколадница”. Тихая мелодия, дразнящий запах молотых кофейных зёрен, свежей выпечки... булочки с корицей. Корица ускоряет обмен. Ешь и не толстеешь. Мечта каждой девчонки.

– Вы же Дюймовочка из волшебной сказки, хрупкое видение, невесомый фантом. Несколько лишних зёрнышек не могут повредить изящной талии. Позвольте представиться – Павел.

– Зоя... Викторовна. Предпочитаю с незнакомыми людьми держать дистанцию, потому, лучше с отчеством.

– Развешиваете флажки, обороняетесь? А я интуитив, всегда прислушиваюсь к внутреннему собеседнику. Он утверждает, что ответ на импульс, посылаемый моим ментальным телом, положительный. Я вам симпатичен, Зоя Викторовна. И не спорьте. Степень опасности явно преувеличена. Вот видите, улыбнулись, это добрый знак. Кофе, всего лишь кофе... и беседа... просто так, ни о чём. Как вариант – о любви.

– Да вы как вижу проказник. И здесь погладили, и там приласкали. Рассчитываете, что замурчу и сдамся без боя. Раскусила я вас, Павел...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.